

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

МАЙКЛ
ИННЕС

СМЕРТЬ
В АПАРТАМЕНТАХ
РЕКТОРА

Инспектор Эплби

Майкл Иннес

Смерть в апартаментах ректора

«АСТ»

1936

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Иннес М.

Смерть в апартаментах ректора / М. Иннес — «АСТ»,
1936 — (Инспектор Эплби)

ISBN 978-5-17-100261-9

В старинном университетском городке произошла трагедия: убит в собственных апартаментах ректор колледжа. Более того, таинственный убийца зачем-то разбросал в гостиной человеческие кости, а на стенах нарисовал черепа. Что же это? Мрачная шутка преступника? Или странная попытка что-то объяснить? Инспектор Скотленд-Ярда Джон Эплби начинает расследование...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-100261-9

© Иннес М., 1936
© АСТ, 1936

Содержание

От автора	5
Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	28
Глава 4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Майкл Иннес

Смерть в апартаментах ректора

От автора

Профессора и преподаватели колледжей Оксфордского и Кембриджского университетов, безусловно, люди в высшей степени благородные, порядочные и уравновешенные. Они не делают ничего из ряда вон выходящего, не совершают необдуманных или опрометчивых поступков. Как правило, господа, стоящих на кафедре, воспринимают как людей ученых, немногословных, рассеянных, со множеством милых и невинных слабостей. Они, как сказал бы Бен Джонсон, «так и просятся в комедию». Их гораздо легче описывать с большой долей иронии, нежели в некоем мелодраматическом ключе. Что же касается детектива, то профессора, пожалуй, в наименьшей степени соответствуют тому странному и в некоторой мере извращенному психологическому типу, которым наделено большинство персонажей произведений данного жанра. И это достаточно «прикорбно» хотя бы потому, что сама их «среда обитания» – окружающие их материальные предметы и сооружения, где они существуют: говорят, едят и спят – представляет собой идеальный фон, на котором могло бы развиваться хитросплетение загадочных и интригующих событий.

Правда, в Англии есть одно место, где эти благоразумные и добродетельные мужи, к сожалению, полностью меняются. Там они в полной мере проявляют такие качества, как раздражительность, нетерпение, злоба, тщеславие и жестокосердие, столь необходимые авторам детективов. Общеизвестно, что, когда питомец Оксфорда или Кембриджа движется не «вверх» или «вниз», а по «горизонтали», когда он отправляется из Оксфорда в Кембридж или наоборот, ему приходится пересекать местность, по каким-то странным причинам несоместимую с привычной размеренностью и покоем университетской жизни. Загадочный каприз судьбы – местность эта расположена почти на полпути между двумя древними храмами науки, в прелестных, за исключением вышеозначенного обстоятельства, окрестностях городка Блетчли. Некий ученый, отличающийся поверхностностью и привыкший обращать внимание лишь на моментально бросающиеся в глаза реалии и частности, в свое время объяснил сей факт определенными недостатками обустройства железнодорожной станции Блетчли. Ему пришлось так долго ждать поезда (в этом и состояли его доводы) и испытать так много неудобств, что любой бы в его положении разнервничался.

Однако все это в прошлом. Когда я в последний раз проезжал Блетчли, он показался мне райским уголком. В любом случае мой ум, ум литератора, искал более глубоких, даже метафизических объяснений. Я придерживаюсь мнения, что на полпути между антиподами: Афинами и Фивами – эфир бурлит. Для ученого атмосфера там неблагоприятная и неблагоприятная. И я представил, что если оксфордские изгои, несколько столетий назад предпринявшие попытку раскола, добрались до Блетчли, то там вполне мог возникнуть университет (или, по крайней мере, колледж), что понадобился мне для этой книги. Любой, кто удосужится взглянуть на карту, читая главу 10, убедится, что я руководствовался собственной фантазией. Вымышленный колледж Святого Антония является частью такого же придуманного университета. А его преподаватели – всего лишь плод воображения автора. Итак, вот вам призраки и воображаемое место действия и развития событий.

1. Створчатое окно во всю стену

Глава 1

I

Университетская жизнь, как заметил доктор Джонсон, не изобилует чрезвычайными происшествиями. Однако именно нечто из ряда вон выходящее случилось, когда профессора и преподаватели колледжа Святого Антония проснулись промозглым ноябрьским утром и обнаружили, что ректор Джозайя Амплби был убит минувшей ночью. Преступление сразу восприняли как интригующее, очень странное, тщательно подготовленное и вдобавок обставленное чуть ли не с театральностью. Тщательно подготовленным оно являлось потому, что никто не мог даже предположить имени преступника, а театрально показным из-за жуткого и при этом совершенно ненужного антуража, которым, согласно мгновенно распространившимся слухам, убийца сопровождал свое злодеяние.

Колледж гудел словно потревоженный улей. Если бы доктор Амплби застрелился, то в соответствии с приличиями требовалось бы соблюдать максимальную сдержанность и по возможности подавлять нездоровое любопытство. Однако убийство, к тому же загадочное, почти сразу было воспринято как вполне законный повод для громогласных пересудов. К десяти утра даже самому отрешенному от реальности кабинетному ученому, привыкшему неспешно прогуливаться по уютным внутренним дворикам и размышлять о проблемах философии Сократа, стало совершенно ясно, что священная тишина и покой колледжа надолго нарушены самым грубым образом. Огромные ворота колледжа закрыли, все входившие и выходившие подвергались непривычной процедуре досмотра со стороны старшего привратника и сержанта полиции. Из выходившего на север окна библиотеки можно было разглядеть человека в полицейской форме, охранявшего окна кабинета ректора с наглухо задернутыми шторами. Многочисленные лестницы, благодаря которым средневековый университет умудрялся оттягивать введение коридорной системы, сейчас сотрясались от беспрестанного топота ног студентов, взлетающих по ним вверх и вниз, желавших срочно обсудить происшедшее с друзьями. Где-то около одиннадцати появился листок почтовой бумаги, ничем не примечательный, но вопреки обыкновению вывешенный за пределами колледжа, с сообщением для студентов, находившихся вне учебного заведения, что в этот день все лекции отменяются. К полудню местные газеты наклеили на уличные тумбы, и ни в каком другом городе заголовки не звучали бы столь сдержанно, как здесь: «Внезапная смерть ректора колледжа Святого Антония». В самой заметке констатировался факт: доктор Амплби застрелен, как подозревалось, вовсе не случайно, и убийство совершено неизвестным лицом. До самого вечера группа городских зевак, лениво слонявшихся по противоположной стороне переулка Святого Эрнульфа, удовлетворяла любопытство, глаза на длинный ряд окон в стиле Тюдоров с серыми средниками и плоскими арками, за которыми разыгралась загадочная трагедия. Событие, произошедшее в небольшом городке, мгновенно попало в национальные новости. К половине пятого сотни тысяч людей в Пимлико, Бау, Клеркенуэлле, в многочисленных пригородах Большого Лондона и в перенаселенных переулочках Вестминстера добавляли кое-что новое к своим скудным знаниям о весьма отдаленном университетском Блетчли. Вечерние газеты еще раз проинформировали публику о трагедии, на этот раз фотографии вереницы тюдоровских окон уже украшали их первые полосы. К семи часам огромные кипы этих столичных новостных листков лихорадочно разгружали поблизости от самого колледжа. От пасторальной тишины и некоего монастырского покоя уважаемого учебного заведения не осталось и следа.

Однако в двадцатом веке с нарушением спокойствия вынуждены мириться многие университеты. Денно и ночью огромное население Лондона, расположенного в девяносто километрах отсюда, требует припасов, и постоянно большой город вывозит свою продукцию. Без конца на древних улочках, по которым неторопливо и задумчиво прогуливались многие поколения ученых и поэтов, режут современные автомобили. В дневное время сам город является главным нарушителем спокойствия: автобусы и бесчисленные машины, управляемые студентами, создают водовороты и застревают в пробках на узких улицах. Однако ночью город становится своего рода транспортной магистралью. С регулярной и беспощадной неотвратимостью, с интервалом, которого хватает лишь на тревожные предчувствия, через город с ревом и грохотом проносятся грузовики с товарами и огромные автофургоны. И пока течет этот нескончаемый поток, серые, изъеденные временем камни, изящной дугой тянущиеся от моста к мосту, дышат и содрогаются, словно в такт ударам исполинского молота, бьющего по земле.

Среди всех этих испытаний колледжу Святого Антония досталось не самое худшее место: только в нем есть довольно большой сад, знаменитый Садовый сквер. Под защитой четырехметровой стены, заканчивающейся высокой узорчатой решеткой, расположился роскошный яблоневый сад. Он простирается до первой и самой массивной группы построек колледжа, состоящей из часовни, библиотеки и зала собраний. За этой зеленой завесой в Епископском дворике шум улицы едва слышен. Еще дальше, в самой старой части колледжа, в средневековом Суррейском дворике с готической аркой и главными воротами, выходящими в переулок Святого Эрнульфа, царит почти что пасторальная тишина лугов Альфреда Великого. Древний город все еще хранит тихое пристанище царственного мечтателя.

Однако угоды Садового сквера время от времени становились местом событий куда более ярких, нежели раздумья великого государя. Именно здесь студенты колледжа устраивали свои знаменитые бунты. Тут они каким-то образом отловили самую настоящую лису, а однажды под покровом ночи притащили сюда неизвестно откуда взявшуюся дикую свинью, от ужаса готовую разродиться в любую минуту. Вот почему с давних пор Садовый сквер запирают на ночь. Рядовым преподавателям доступ туда закрыт с четверти одиннадцатого вечера. Старшие преподаватели и профессора могли воспользоваться ключами: для четырех из них, живших в апартаментах на краю сквера, ключи были необходимы... И именно в Садовый сквер, столь тщательно запираемый на ночь, выходили высокие, во всю стену, створчатые окна кабинета, где было обнаружено тело доктора Амплби.

II

Часы показывали четверть третьего дня, когда огромный желтый «Бентли» отъехал от здания Скотленд-Ярда. Он остановился у колледжа Святого Антония в тот самый момент, когда городские колокола начали бить четыре. Инспектор Джон Эплби подумал, что его крайне редко так быстро доставляли для расследования предполагаемого убийства за пределами Лондона. И в самом деле, его прибытие в шикарном казенном лимузине явилось результатом действий в «высоких сферах»: декан Святого Антония в срочном порядке встретился с проректором университета. Тот столь же спешно телефонирует о случившемся лорд-канцлеру, главе судебного ведомства и верховному попечителю университета. Лорд-канцлер, в свою очередь, незамедлительно связался с министром внутренних дел... «И совсем неудивительно, – подумал Эплби, ловко выпрыгивая из машины, – что местное начальство иногда поступает так, что и сама верховная власть внезапно получает подзатыльник». Поэтому после того, как напуганная горничная проводила его в столовую покойного ректора, он испытал некоторое облегчение, увидев воплощение власти местной не в ком ином, как в своем давнем знакомом, инспекторе Додде, господине весьма грозного вида.

Эти два человека являли собой любопытную противоположность: не столько контраст между двумя поколениями (хотя Эплби был на добрых двадцать лет моложе), сколько разницу между двумя эпохами жизни Англии. Додд, тяжеловесный, медлительный, простоватый и столь явственно говоривший на своем родном диалекте, что любой филолог мог точно определить город, где он родился, представлял собой патриархальную Англию, где преступление, если оно совершалось, всегда было явным, ясным и жестоким и для его расследования требовались не столько научные достижения и следовательские навыки, сколько энергичные и быстрые действия. Он отлично постиг общепринятую практику и порядок, но ему не хватало углубленной подготовки и некой специализации. Додд полагался на сильно развитую, хотя и неоднозначную, природную практичность и прозорливость, сохраняя силу и индивидуальность как в своей манере мыслить, так и в манере говорить. Рядом с ним Эплби поначалу смотрелся довольно бледно отчасти благодаря долгой методичной учебе, подобно хирургу, направившему все свои усилия на разработку уникальной операционной методики. Ибо Эплби являлся действенным продуктом более «развитого» века, нежели эпоха Додда, века, когда наша цивилизация, умножающая свои элементы методом их деления, произвела на свет среди бесчисленного множества узкоспециализированных изделий таких же узкоспециализированных преступников и сыщиков. Тем не менее Эплби представлял собой нечто большее, чем напичканный знаниями выпускник современного полицейского колледжа. Созерцательная манера и пытливый ум, уравновешенность в сочетании с натиском, скорее сдержанность и скрытность, чем осторожность – вот, возможно, символы, лежащие в основе более прогрессивного и либерального образования. Именно вооруженный знаниями в сочетании с пытливым умом, Эплби становился грозным противником так же, как следование традициям и обращение к истокам превращали Додда в сильного оппонента.

Вполне возможно, что Эплби и Додд могли схлестнуться друг с другом, однако при наличии доброй воли они с той же вероятностью составили бы прекрасный тандем. И вот Додд, несмотря на свои девяносто с лишним килограммов и сильную усталость (он работал над расследованием с раннего утра), вскочил на ноги и с подобающим радушием приветствовал своего коллегу.

– Прибывает сыщик, – хмыкнул он после того, как они обменялись рукопожатием, – и деревенский полисмен передает ему труп со всеми непонятными уликами и версиями, имеющимися у нас на данный момент.

С этими словами Додд повернулся к столу, на котором возвышалась стопка бумаг, служившая доказательством его стараний и усердия. С одной стороны от нее лежал нарисованный на скорую руку, но вполне понятный план колледжа, с другой – остатки хлеба и сыра, а также пива в массивной оловянной кружке. Очевидно, где-то около трех часов дня слуги доктора Амплби догадались, что инспектор, возможно, захочет немного подкрепиться.

– Здешнее пиво, – заметил Додд, – единственная приятная деталь в этом деле. Если деревенский полисмен и будет окончательно сбит с толку, но кружку свою при этом он обязательно получит.

Эплби улыбнулся.

– Совершенно очевидно, что деревенский полисмен разложил все факты по полочкам, – ответил он. – По крайней мере, если это тот же полисмен, которого я знал пару лет назад. У нас в конторе до сих пор говорят о вашем деле с автогонщиками... Помните?

Признательность Додда за комплимент о былом успехе выразилась в подчеркнутой деловитости. Придвинув стул для Эплби, он положил стопку бумаг между ними.

– Сегодня я подвигаюсь быстрее, чем обычно, – вдруг произнес он. – И все, что я здесь собрал, ограничено некоторой спешкой. Здесь много чего не хватает, однако у нас есть точки опоры и, возможно, улики. Работы выдалось предостаточно, и в первую очередь, сами понимаете, надо было как можно скорее осмотреть место происшествия. Я на скорую руку запи-

сал больше десятка показаний. Любое из них могло прямым выведи меня на кого-нибудь, кто вот-вот ринется прочь из страны. Но этого не случилось. В этом деле полно загадок, Эплби. Другими словами, похоже на то, что оно по зубам лишь вам, а не мне.

Столь долгий монолог Додда звучал искренне, но отнюдь не безучастно. Подкрепившись университетским пивом, весь последний час он провел в раздумьях, и чем больше он размышлял, тем меньше ему нравились результаты. И действительно, его мысли начали блуждать, отклоняясь от этого дела, где он не смог увидеть начала, к другому делу, которое он надеялся довести до конца. Некоторое время Додд занимался серией квартирных краж в пригородах, и это загадочное дело доктора Амплби, очевидно, срочное, оторвало его от руководства захватом группы преступников, после которого он надеялся на повышение и значительное поощрение. Теперь полисмен изложил свою позицию Эплби, и они договорились, что лондонский сыщик на некоторое время один вплотную займется убийством в колледже Святого Антония. Как только они достигли понимания в этом вопросе, Додд положил перед Эплби план колледжа и приступил к изложению известных ему фактов.

– Доктора Амплби застрелили вчера в одиннадцать вечера. Это первое из серии обстоятельств, делающих его смерть похожей на детективный роман. Представляете себе усадьбу, где убит хозяин, в разгар снежной бури? И все прочие придумки вроде этой: лайнеры в океане, подводные лодки, летящие дирижабли, запертые комнаты без дымохода? Понимаете, Святой Антоний или любой другой колледж превращается в нечто подобное каждый вечер с половины десятого и до утра. Вот вам подводная лодка.

С этими словами Додд взял план и огромным пальцем резко очертил периметр зданий колледжа.

– Но в этом колледже, – продолжил он, – все гораздо сложнее.

На этот раз он обвел пальцем контур меньшего размера.

– Здесь присутствует «подлодка» внутри «подлодки». В половине десятого весь колледж отрезают от внешнего мира. А чуть позже, в десять пятнадцать, одну часть колледжа изолируют от другой. Прямо как в книжке, а? После половины десятого никто не может войти в колледж или выйти из него без ведома привратника – за некоторыми исключениями. Никто, о ком бы мы не знали, не входил и не выходил с половины десятого вечера до настоящего момента – с теми же возможными исключениями. А после десяти пятнадцати никто не может перемещаться между главным зданием колледжа («подлодка») и дополнительно изолированным Садовым сквером («подлодка» внутри «подлодки») – опять же за вычетом исключений. Вот только, – и тут в голосе инспектора Додда зазвучало сильнейшее раздражение, – ни одно из этих исключений ничуть не похоже на полоумного убийцу! И поэтому безумец, совершивший это, – Додд резко ткнул большим пальцем в сторону соседней комнаты, – должен до сих пор находиться на территории колледжа. Я его не нашел, Эплби. Здесь все один невиннее и святее другого.

– А почему обязательно искать безумца? – спросил Эплби.

– Я его не ищу, – мрачно ответил Додд. – Все эти проделки и обманки вон там на какое-то время сбивают меня с толку. – Он снова жестом указал в сторону соседней комнаты. – Вы вскоре поймете, что я имел в виду, – продолжил он несколько мрачным тоном, – однако сейчас я хочу остановиться на исключениях. Это, как вы можете догадаться, некоторые профессора колледжа, но никоим образом не все, а те из них, у кого есть ключи, так сказать, двойного назначения. С их помощью профессора могут входить или выходить из колледжа через небольшую дверь, ведущую на Школьную улицу. И вы видите, куда они попадают, если входят: оказываются прямым в «подлодку» внутри «подлодки», в Садовом сквере. С помощью тех же ключей профессора могут попасть из Садового сквера на остальную территорию колледжа. Когда я изложу факты по делу, вы через минуту убедитесь, что убийца

доктора Амплби, скорее всего, является одним из обладателей этих ключей. Вот почему, я уверен, – сухо добавил инспектор, – именно вас направили сюда столь спешно.

– Я представляю себе предлагаемую вами версию, – ответил Эплби, окинув взглядом план. – В то время как в обычном колледже ночью убийство может совершить любой находящийся на его территории, этот колледж устроен так, что это убийство, очевидно, было под силу лишь ограниченному кругу лиц. Тех, у кого имелся ключ или кто мог завладеть таковым. Поскольку ключи – вы меня поддержите, не так ли? – обеспечивают некий особый доступ к апартаментам доктора Амплби, необходимый при обстоятельствах совершенного преступления.

Додд кивнул.

– Именно так, – согласился он. – Теперь вам понятно, какое смятение охватило колледж Святого Антония.

– Общеизвестно, что ключи – вещь весьма ненадежная. Украсть их гораздо легче, чем чековую книжку, а изготовить дубликат куда проще, чем подделать подпись.

Додд покачал головой:

– Да, однако вы вскоре убедитесь, что это далеко не все. Сама топография этого дела, его расклад представляются в высшей степени странными и необычными.

Оба сыщика несколько мгновений молча разглядывали план.

– Итак, – наконец произнес Эплби, – декорации на сцене расставлены. Теперь обратимся к действующим лицам и событиям.

III

– Начну с персонажей, – сказал Додд, – точнее, с того, с чего мне пришлось самому начинать нынче утром: со списка имен и фамилий.

С этими словами инспектор принялся медленно перебирать бумаги. Затем, очевидно, после неких раздумий он расправил плечи, озабоченно наморщил лоб и продолжил, уставившись на свои огромные ботинки:

– Вот профессора и члены Ученого совета, ужинавшие в колледже вчера вечером. Помимо ректора, присутствовал декан, которого называют преподобный и достопочтенный Трейси Дейтон-Кларк. – Когда инспектор произносил этот титул, в его голосе явственно звучали желчные нотки. – Там также были мистер Лэмбрик, профессор Эмпсон, мистер Хэвеленд, мистер Титлоу, доктор Поунолл, доктор Готт, мистер Кэмпбелл, профессор Кёртис, мистер Чалмерс-Патон и доктор Барочо.

Эплби кивнул.

– Дейтон-Кларк, – повторил он, – Лэмбрик, Эмпсон, Хэвеленд, Титлоу, Поунолл, Готт, Кэмпбелл, Кёртис, Чалмерс-Патон и иностранец, который несколько сбивает меня с толку. Продолжайте.

– Барочо, – произнес Додд. – И как выяснилось, отсутствовал лишь один из профессоров. Его фамилия Рэнсом, и в настоящий момент, как говорят, он проводит раскопки чего-то ценного в Азии.

В голосе Додда снова прозвучал намек на то, что, расследуя смерть доктора Амплби, он оказался в весьма странной компании.

– Однако у меня нет никаких доказательств, – продолжил он довольно подозрительным тоном, – где на самом деле находится этот Рэнсом. Все данные о нем – с их слов.

Эплби улыбнулся.

– Похоже, «подлодка» отлично укомплектована офицерским составом, – сказал он. – Если вы вытащите из-за голенища сапога список сотни-другой студентов, думаю, мне при-

дется сбежать в усадьбу какого-нибудь баронета или оказаться на воздушном шаре в стратосфере – гондола обычно вмещает двух-трех человек.

Однако во время своего монолога он пристально смотрел на лежавший перед ним план. Через пару секунд Эплби добавил:

– Как я понимаю, студенты туда не заходят.

– Не уверен, что это так, – ответил Додд. – По крайней мере, они, скорее всего, туда не заходят, как с той же вероятностью туда не заходит, например, обслуживающий персонал колледжа и прочие. Как вы верно заметили, по чисто «топографическим» причинам. Так что список, который я вам представил, может оказаться ценным. А теперь после сцены и персонажей, полагаю, нужно перейти к событиям и времени. Вот примерная временная схема происшествия, как я себе ее представляю.

Ужин закончился в восемь часов, это касалось трапезы в зале собраний. Однако все принадлежащие к «высокому столу», то есть ректор, декан и профессора, как обычно, все вместе направились в комнаты отдыха. Примерно полчаса они провели в малой профессорской, где их ждало небольшое продолжение: портвейн и десерт. Затем где-то в половине девятого они снова переместились, все еще вместе, на сей раз в большую профессорскую по соседству. Там они пили кофе, курили и беседовали примерно до девяти. Словом, все как обычно. Доктор Амплби удалился первым: он вышел через дверь, ведущую прямоком в его апартаменты. Если верить всему сказанному, то именно тогда все его коллеги и видели доктора живым в последний раз.

Итак, после этого профессорская начинает пустеть, и к половине десятого все расходится. Лэмбрик, Кэмпбелл и Чалмерс-Патон – люди женатые, так что к половине десятого они сидели по домам. Остальные отправились в свои апартаменты на территории колледжа. Все, за исключением Готта, младшего проктора, ушедшего на обход улиц.

В половине десятого начали запирать двери. Привратник закрыл главные ворота. Можно сказать, что в этот момент «подлодка» погрузилась, поскольку с той самой минуты до настоящего времени никто не мог выйти или войти на территорию колледжа незамеченным, если у него не было ключа.

Эплби покачал головой и мягко возразил:

– С самого начала я не склонен верить версии о ключах. И ваша «подлодка» также вызывает у меня сомнения. В таком беспорядочно построенном здании наверняка найдется с десяток потайных входов и выходов.

Однако Додд стоял на своем:

– Конечно, слово «подлодка» звучит так, словно я начитался романов, но мне кажется, что такое определение недалеко от истины. Есть вещи, которые надо узнавать негласно, после чего мы сможем удивить множество колледжей массой хитроумных трюков. Так вот, сегодня я тщательно осмотрел территорию колледжа. Здесь и мышь не проскочит.

Эплби кивнул в знак того, что он временно принимает эту версию.

– Ну хорошо, – произнес он. – Ректор в своих апартаментах, преподаватели в своих квартирах, студенты в своих комнатах. И все они отрезаны от внешнего мира. Что дальше?

– А дальше – продолжают запирать двери, – подхватил Додд. – Дворецкий ректора закрыл три двери. Главную дверь апартаментов с выходом в Епископский дворик. Заднюю дверь, ведущую в переулок Святого Эрнульфа. И дверь между апартаментами и профессорскими, ту самую, которой ректор пользовался чуть раньше. Это произошло примерно в десять вечера. В десять пятнадцать щелкнул последний замок. Привратник запер ворота в Садовый сквер...

Пока что Додд излагал последовательность событий, не заглядывая в свои записи. Но вот он сделал паузу и протянул Эплби несколько листов.

– На вашем месте я бы просмотрел все заново, – сказал он. – В этом надо хорошенько разобраться.

Эплби медленно прочитал заметки и не без восхищения отметил, что во время устного «доклада» Додд ни разу не отклонился от своих записей. Немного вникнув в вереницу имен и временных интервалов, он поднял глаза, и Додд продолжил, приближаясь к кульминации своего рассказа:

– Покинув профессорскую, доктор Амплби направился прямо в кабинет. В половине одиннадцатого его дворецкий Слотуайнер принес ему что-то выпить (все как обычно), после чего ушел в кладовку, что в дальнем конце коридора. В последующие полчаса коридор находился более-менее в поле зрения Слотуайнера, и, по его словам, оттуда никто не входил в кабинет и не выходил из него. Иначе говоря, остается только один путь, которым в этот промежуток времени можно попасть в кабинет или покинуть его: через створчатое окно во всю стену, выходящее в Садовый сквер.

– В столь тщательно запертый Садовый сквер, – задумчиво пробормотал Эплби.

Додд тотчас понял, что означает эта реплика.

– Именно так. Я считаю, что мы перво-наперво должны уяснить: нам приходится иметь дело с искусственно созданной ситуацией. Однако вернемся к дворецкому Слотуайнеру, находящемуся в это время в кладовке. Кладовка представляет собой тесную клетушку, и в любое другое время он бы спустился вниз к себе в комнату, которая рядом с кухней. Но, очевидно, именно вечером этого дня недели мистер Титлоу – он же председатель Ученого совета – имеет обыкновение заходить к ректору, чтобы немного побеседовать с ним о делах колледжа. Он регулярно приходит ровно в одиннадцать. Мне кажется, поздновато для визита, однако штука тут в том, что каждый мог поработать пару часов после того, как закончится обычное веселое сборище в профессорской. Знаете, мне кажется, что каждый ученый человек работает по-своему. Так вот, Слотуайнер ждал наверху, чтобы впустить Титлоу. Ему пришлось отпереть главную дверь, ведущую в Епископский дворик, поскольку, как вы помните, он закрыл ее вместе с двумя другими дверями в десять вечера. Так уж было заведено в хозяйстве Амплби. Титлоу появился, как обычно, ровно в одиннадцать, и не успели они со Слотуайнером перемолвиться парой слов в коридоре, как услышали выстрел.

– Донесшийся, несомненно, – подсказал Эплби, – из кабинета, где Амплби, по идее, находился в полном одиночестве?

– Совершенно верно. Он и был в полном одиночестве, скорее его труп, когда Титлоу и Слотуайнер ворвались в комнату. Амплби застрелили. Орудие убийства, если верить словам этой парочки, отсутствовало. Однако створчатое окно, выходящее в Садовый сквер, было приоткрыто. Так вот, Титлоу и Слотуайнер, или один из них (не знаю, кто именно), на редкость быстро оценили ситуацию. Они убедились, что произошло убийство, и поняли важность и значение Садового сквера. Если убийца ускользнул через окно, то он все еще находился там, разве что (а это не пришло им на ум) у него не было ключа от калиток и ворот.

На сей раз инспектор вооружился карандашом и стал водить им по плану. Тщательно выговаривая каждое слово, он еще раз изложил свой главный тезис.

– Вы сами убедитесь, насколько это очевидно, – начал он, – когда окажетесь там. С трех сторон Садовый сквер обнесен или очень высокой стеной, или стеной с надстроенной узорчатой решеткой, что делает ее еще выше. На четвертой его стороне расположены апартаменты ректора, вот тут, а напротив них – часовня. Между ними – зал собраний и библиотека. Все эти постройки стоят таким образом, что они отделяют Садовый сквер от Епископского дворика. Существует только два сквозных прохода: первый – между часовней и библиотекой, второй – между залом собраний и апартаментами ректора. Последний, третий выход из Садового сквера – через небольшой турникет, ведущий на Школьную улицу. И все три

выхода, разумеется, были заперты. Так что ускользнуть из Садового сквера, не имея ключа, невозможно.

Теперь вы понимаете, что Титлоу и Слотуайнер решили, что убийца у них в кармане. Они считали: ему не уйти, поскольку не предполагали, что у злодея может быть ключ. А не предполагали потому, что им и в голову не пришло, что преступником может оказаться кто-то из профессоров колледжа.

Я склонен полагать, что именно Слотуайнер взял инициативу в свои руки. Он старый служака и всегда готов к «нештатным» ситуациям, в то время как Титлоу, по-моему, витает в облаках. Однако он вовсе не хлюпик. Кабинет выглядел довольно жутко, но он остался сторожить окно, пока Слотуайнер побежал к телефону в коридоре, поднял на ноги всех привратников, вызвал врача и позвонил нам. Я задержался в участке, работая над рапортами по своему делу, и Слотуайнер достаточно четко и ясно описал мне суть происшествия перед тем, как я прибыл сюда со своими людьми, которых мне удалось собрать за десять минут. Титлоу и Слотуайнер все еще находились в кабинете вместе с привратником, тот помогал им охранять место преступления. Мы прочесали каждый кустик с садовой стороны ворот, словно искали черную кошку. Мы прошли цепью из одного конца в другой, облазили все деревья, обыскали часовню и небольшое здание профессорских апартаментов. Кроме трех из четырех профессоров (четвертый – Титлоу), живущих рядом с Садовым сквером и спавших крепким сном, мы не нашли ровным счетом никого. Разумеется, мы повторили поиски при свете дня, и все ворота до сих пор находятся под охраной.

Додд на мгновение умолк, и Эплби спросил:

– И никаких следов ограбления?

– Вообще никаких. Деньги, часы и все прочее при нем. Есть, правда, одна вещица, которая, возможно, окажется важной уликой.

Додд взял со стола небольшой предмет, завернутый в папиросную бумагу, и перебрал его своему коллеге.

– Это ежедневник Амплби, найденный у него в кармане. Вы отыщете там много любопытных записей, пока дойдете до нынешнего числа. Листы за последние два дня, а также на сегодня и завтра вырваны. А теперь пойдете.

IV

Они вышли из столовой покойного ректора и направились через холл туда, где в конце узкого коридора дюжий констебль охранял дверь кабинета. Он отступил чуть в сторону, отдал честь и с любопытством уставился на «столичную штучку» Эплби. В это время Додд вынул из кармана ключ, открыл замок и распахнул дверь несколько театральным жестом.

Кабинет представлял собой длинную, хорошо спланированную комнату с глубоким открытым камином напротив единственной двери и с окнами по обе стороны. Слева – несколько маленьких окошек, зарешеченных, как и все окна первого этажа в колледже, выходящих в переулок Святого Эрнульфа. Справа – довольно узкие створчатые окна во всю стену, плотно зашторенные и, как уже успел узнать Эплби, выходящие в Садовый сквер. Обставленную темной тяжеловесной мебелью комнату с множеством книжных шкафов и полок освещали скудные ноябрьские сумерки и одинокая электрическая лампочка. Посреди кабинета, между створчатыми окнами и камином, лежал нелепо распластанный на спине труп мужчины, высокого, худощавого, одетого в смокинг. Только это и представало взору наблюдателя, поскольку голова, словно некая карикатура на заупокойный обряд, была обмотана траурно-черной профессорской мантией.

Но отнюдь не вид тела привел Эплби в замешательство, когда он вошел в комнату. Теперь он понял, что имел в виду Додд, говоря о безумце. С темных дубовых панелей над

камином скалились наспех нарисованные мелом два черепа. Рядом с причудливо замотанной головой ректора лежал череп человека, на сей раз настоящий. А вокруг трупа были разбросаны небольшие кучки костей.

Эплби довольно долго взирал на это зрелище. Затем он подошел к створчатым окнам и отдернул штору. Снаружи сгущались сумерки, и ухоженный сад казался таинственным лесом. Эту иллюзию рассеивали видневшиеся справа серые очертания зала собраний и библиотеки. Массивные камни громоздились друг на друга и где-то в вышине сливались с темными витражными окнами. Прямо перед сыщиком неясным силуэтом на фоне тусклого закатного неба маячил богато украшенный орнаментом фронтон часовни XVII века. Над старинными постройками начала сгущаться то ли дымка, то ли туман, обвивая деревья и растворяясь в каком-то иллюзорном великолепии блекнувших очертаний шпилей и арок. А над колледжем и всем городом разносилось эхо звавших к вечерней службе колоколов, приглушенное, словно реквием по тому, кто лежал бездыханным в кабинете.

Глава 2

I

Некоторое время Эплби задумчиво смотрел в окно, затем, не оборачиваясь и словно размышляя вслух, начал излагать свою версию дела:

– В десять пятнадцать эта площадка, Садовый сквер, была заперта. После этого любой, находившийся внутри или снаружи, мог выйти или войти только двумя путями или способами. Первый – с помощью ключа, имевшегося у кого-то из профессоров. Он мог пройти из сада на основную территорию колледжа через одну из двух калиток, ведущих в Епископский дворик. Или же мог выскользнуть в «большой мир» через турникет, выходящий на Школьную улицу. Второй путь – через эти створчатые окна, кабинет, а затем наружу через одну из дверей в холле ректорских апартаментов: через главную дверь, ведущую в Епископский дворик, через дверь в профессорскую, кружным путем выводящую туда же, или через заднюю дверь, выходящую в переулок Святого Эрнульфа и опять же в «большой мир».

В десять тридцать Амплби, по словам дворецкого, был еще жив. До одиннадцати часов, если верить тому же дворецкому, никто не проходил от кабинета через холл ни в Епископский дворик, ни в переулок Святого Эрнульфа или в обратном направлении.

В одиннадцать часов, по показаниям дворецкого и Титлоу, в кабинете раздался выстрел. Они тотчас же ринулись туда и обнаружили Амплби мертвым. Затем, как они заявляют, путь через кабинет находился под их постоянным наблюдением, пока не прибыли вы. А вы контролировали его, пока ваши помощники тщательно осматривали сам кабинет, Садовый сквер и все находящиеся там постройки.

Принимая это все во внимание, мы имеем довольно простую ситуацию. Если Амплби застрелили именно там и именно тогда и если он не совершил самоубийство, то получается вот что. Нападавший являлся или одним из трех профессоров, обнаруженных вами во время поисков, или неким четвертым, у кого был ключ. Этот четвертый, в свою очередь, может быть или кем-то из законных обладателей ключей, или же неизвестным, которому удалось как-то ключом завладеть. Отсюда следуют два предварительных вывода. Первый: необходимо проследить перемещения законных владельцев ключей и выяснить их отношения с Амплби. Второй: отследить происхождение существующих ключей, историю каждого из них плюс вероятность того, что в недавнем прошлом они могли попасть в чужие руки, после чего, возможно, с них сделали дубликаты.

Излагая свое краткое и сжатое резюме событий, Эплби, казалось, говорил с какой-то неохотой. Он был гораздо меньше, нежели Додд, готов к расследованию «обычного» преступления. Он склонялся к тому, что не следует доверять выводам, вытекающим из слишком уж явственных обстоятельств, при которых произошло убийство Амплби. Как весьма проницательно отметил Додд, дело выглядело чересчур наигранным, надуманным. Преступник словно из кожи вон лез, чтобы выставить себя и изобретательным, и мрачно-инфернальным, и расчетливым, и эксцентричным. Через полчаса после своего приезда в колледж Святого Антония Эплби почувствовал, что ему словно навязывают некую вполне определенную линию поведения. Она требовала тщательного и скрупулезного изучения поведения, характеров и намерений небольшой, четко обозначенной группы людей. Эплби убедился, что у него есть два варианта ведения расследования. Первый был прост: «Обстоятельства таковы, что я должен сосредоточиться на том-то и том-то». Второй – сложнее: «Обстоятельства представлены таким образом, чтобы внушить мне, что я должен сосредоточиться на

том-то и на том-то». Действуя по первому варианту, он должен, по крайней мере, не выпускать второй из поля зрения.

Эплби прервал свои размышления и снова повернулся к Додду, чтобы задать ему несколько вопросов.

– Кто из профессоров живет на территории Садового сквера? – спросил он. – У кого из них есть ключи? До какого момента вы проследили их передвижения после того, как они покинули профессорскую вчера вечером?

– На территории сквера проживают четверо, – ответил Додд. – Это Эмпсон, Поунолл, Титлоу и Хэвеленд. Они живут в доме, стоящем рядом, но не общающимся с апартаментами ректора. Это прямо напротив, вон там. – Додд невозмутимо постучал пальцем по одному из скалящихся черепов над камином покойного. – Здание называют профессорскими апартаментами. По обе стороны от лестницы располагаются две квартиры, – четким тоном продолжил он. – Жильцы занимают их следующим образом.

Покопавшись в бумагах, он вытащил лист, очередной результат своего кропотливого труда.

<i>Второй этаж</i>	Эмпсон	Титлоу
<i>Первый этаж</i>	Поунолл	Хэвеленд

– Мы обнаружили, что Эмпсон, Поунолл и Хэвеленд находились каждый у себя. Поунолл спал, остальные работали. Передвижения Титлоу вам известны. Теперь о ключах. Когда дело дошло до них, тут мы столкнулись с чем-то из ряда вон выходящим. У всех четверых, живущих в Садовом сквере, есть ключи. Вполне естественно, что они должны у них быть, если профессора отрезаны от основной территории колледжа. Следовало бы ожидать, что для удобства общения с ними, а также для того, чтобы входить и выходить из колледжа через турникет, не тревожа привратника, у всех их коллег тоже должны быть ключи. Но это не так. Знаете, они очень непрактичный народ.

Эплби мрачно улыбнулся.

– Среди них, – произнес он, – может оказаться один весьма практичный и толковый субъект.

– Ну, в этом смысле почти все они люди толковые, хотя весьма своеобразно. Например, они не так уж и рассеянны. Наоборот, они скрупулезны и точны. Только точность эта, по моему, целиком и полностью относится к событиям давним и далеким. Возьмем, к примеру, профессора Кёртиса. Он живет на территории Суррейского дворика. Вот какой у нас с ним вышел разговор.

Я спросил, есть ли у него ключ от калиток. Он повторил: «От калиток, господин инспектор?»

«От калиток между основной территорией и Садовым сквером», – пояснил я. «Да-да, конечно, – ответил он. – Существует поверье, что они сработаны в Кордове. Колледж получил их в дар от третьего графа Блэквудского, который был членом кабинета во время второго премьерства Сидмута». «Так есть у вас ключ?» – снова спросил я. «Я отказался от ключа в конце апреля 1911 года», – тотчас ответил он. «В конце апреля 1911 года», – довольно растерянно повторил я. «Ну да, – сказал он, – в конце апреля 1911 года. Эмпсон в тот год занял первое место на конкурсе научных работ сразу в «двух Корнуоллах»: в колледжах Фалмута и Плимута, и мы сразу избрали его членом Ученого совета. С тех пор у него, однако, не было особых успехов. Безусловно, из него получится превосходный ректор. Так вы сказали, что бедный доктор Амплби все-таки мертв, да?» «Все-таки мертв, – ответил я. – А вы все-таки

уверены, что у вас не было ключа с 1911 года?» «Совершенно уверен, – заявил он. – Я передал свой ключ Эмпсону. Помнится, я тогда еще подумал, что иногда разделяющая коллег запертая калитка – это просто чудесно».

Когда Додд изложил свои восхитительные «свидетельские показания», он достал еще одну бумагу.

– Вот таблица, – веско добавил он и положил ее перед Эплби.

× Дейтон-Кларк	Епископский дворик
× Эмпсон	Садовый сквер
× Хэвеленд	Садовый сквер
× Поунолл	Садовый сквер
× Титлоу	Садовый сквер
Барочо	Епископский дворик
Кэмпбелл	<i>Женат</i> ; Школьная улица
Чалмерс-Патон	<i>Женат</i> ; пригород
Кёртис	Суррейский дворик
× Готт	Суррейский дворик
× Лэмбрик	<i>Женат</i> ; пригород

– Крестиками помечены те, у кого есть ключи, – сказал Додд. – Системы тут, кажется, никакой нет. Например, Лэмбрик, который женат и живет за пределами колледжа, имеет ключ. Однако Кэмпбелл и Чалмерс-Патон, обладающие таким же статусом, обходятся без ключей. Готт и декан живут на территории колледжа, и ключи у них есть. Кёртис и Барочо квартируют там же, но ключей у них нет. Итак, с распределением ключей разобрались. Теперь обратимся к их истории.

Тут Додд неожиданно усмехнулся:

– Знаете, я тут на днях прочел рассказ, где фигурировали ключи, их отслеживание, как выражаются в вашем ученом Лондоне. Так вот, речь там шла о ключе от сейфа. Его нельзя было украсть, поскольку он в буквальном смысле не мог оказаться в чужих руках. И все-таки с него сняли дубликат. Знаете как?

Эплби рассмеялся:

– Думаю, смог бы догадаться. Однако мы не знаем, каких нам тут ожидать сюрпризов и хитроумных трюков. Ключ могли весьма легко похитить и вернуть на место в недавнем прошлом.

– Да, – ответил Додд. – Главное здесь – «в недавнем прошлом».

Он посмотрел на Эплби, хитро прищурившись, после чего, выдержав сценическую паузу, произнес:

– Все ключи заменили вчера утром!

Эплби присвистнул. Додд же, когда узнал об этом, крепко выругался. Таков был последний мощный аккорд в деле об убийстве в колледже Святого Антония.

Додд вкратце обрисовал ситуацию. Никто особо не следил за своими ключами. Для ученого ключ совсем не то же самое, что для банкира, врача или коммерсанта. Ценности людей образованных чаще всего причастны к сфере их деятельности, и для профессора ключ обретает значение в большинстве случаев, когда он его теряет и обнаруживает, что не может открыть чемодан. И преподаватели Святого Антония, владевшие ключами от калиток, которые вдруг обрели трагическую значимость, очень долго относились к ним с легкомысленной неосмотрительностью. Но вот совсем недавно случился скандал. Один из студентов навлек на себя серьезные неприятности во время недозволенной ночной «вылазки», и загадка того, как ему удалось выйти с территории колледжа и вернуться, так и осталась не разрешенной до конца. Ректор счел, что с ключа сделали дубликат. Он распорядился поставить новые замки на все три главных выхода. Замки поменяли, ключи раздали «заинтересованным лицам», и все это произошло за день до того, как он принял смерть.

Додд высказал мнение, что это обстоятельство, хотя само по себе исключительное и странное, все-таки немного упростило дело. Похоже, оно избавляло их от огромного объема тщательных и тяжелых следственных действий. Поскольку, как он убедился во время предварительных допросов, проведенных утром, ничто так не выматывает, как задавать ученым людям мелочные вопросы касательно их материального имущества. Более того, возможный круг подозреваемых сразу же сузился самым очевидным образом. Если бы именно тогда Додду приказали написать официальный рапорт о ходе расследования, он вряд ли бы удержался от категоричных утверждений и выводов. Доктора Амплби мог убить лишь кто-то из небольшой группы уже известных следствию людей.

Эплби прокручивал в голове сложившуюся ситуацию, беспокоило и в то же время осторожно расхаживая по гротескной камере смерти. Он также пришел к однозначному выводу. Таинственные истории были популярны в университетских городах даже среди полицейских. Додд, сохранивший в душе многие черты патриархальной Англии, читавшей Джона Баньяна и Библию, и к тому же являвшийся монументом результативной, но лишённой воображения полицейской рутине, представлял собой именно такой человеческий тип. Благодаря своей врожденной практичности и смекалке он сразу же заметил некоторую надуманность и искусственность имеющихся обстоятельств. Однако («Такова, – подумал Эплби, – величайшая сила слова!») Додд был почти готов принять нечто до удивления неестественное как вполне нормальное. Как следствие существовала опасность того, что он пропустит самое главное «почему» в этом деле. Почему Амплби убили в литературно-детективной манере? Не оставалось никаких сомнений в том, что его смерть была тщательно «отрежиссирована». Факт смены замков придавал очевидности этого чуть ли не демонстративный характер. Амплби погиб при обстоятельствах, искусственно созданных с недюжинной изобретательностью, чуть ли не изощренностью. Его убили будто бы в литературном контексте. Точнее, на стыке литературных контекстов. Ведь набор неких материальных и временных ограничений, явно указывавших (как Эплби определил для себя) на то-то и то-то, подразумевал хитроумный план в стиле повествований о Шерлоке Холмсе и его последователях. А кости и прочий антураж придавали делу оттенок inferнальной экстравагантности. Казалось, что в деле присутствовал некто, мыслящий одновременно категориями и реалистическими, и мистическими. Можно сказать, некто, копировавший манеру Эдгара Аллана По. А ведь По, если подумать, был нынче в моде среди интеллигенции, в то время как колледж Святого Антония являлся средоточием интеллигентов...

Средоточие интеллигентов. Этот важный фактор всегда следовало иметь в виду, делая следующий шаг: пытаюсь ответить на вопрос, который Додд, возможно, недостаточно четко себе представлял: «Почему Амплби погиб, словно баронет в вихрях снежной бури?» На него существовало два умозрительных ответа. Первый: потому что в этом была практическая

польза. Второй: потому что эта смерть была умственной забавой. В конце концов, существует масса проявлений интеллекта, в том числе и патологических.

Эплби вдруг поймал себя на том, что невольно старается подойти к решению стоящей перед ним проблемы как психолог. Он знал, что это является одновременно его, сыщика, сильным и слабым качеством, поскольку в этом аспекте он чувствовал себя гораздо увереннее, нежели в отношении дверей, окон и похищенных ключей. Главным материалом для криминалиста, как Эплби любил иногда теоретизировать перед коллегами в Скотленд-Ярде, являются не отпечатки пальцев и окурки, а человеческий ум, подвергнутый изучению с точки зрения анализа поведения. Что же касается поведения преступника, то в данном случае он пока что не увидел ровным счетом ничего. Инспектор имел дело не с людьми-актерами, а лишь с набором обстоятельств. «Опять как в книжке», – подумал он.

Словно читая его мысли, Додд произнес:

– Пора бы вам обратиться к живым.

В то время как Эплби, несколько озадаченный тем, что прозвучала эта фраза рядом с останками Джозайи Амплби, отвернулся от окна, куда он задумчиво смотрел, его коллега в несколько шагов пересек комнату и позвонил в звонок.

– Сейчас нам предоставят свидетеля, – сказал он.

После этих слов оба сыщика снова перешли в столовую.

II

Мистер Гарольд Тэпп уже полчаса дождался, пока его опросят касательно убийства, однако при этом он ничуть не нервничал. Это был небольшого роста человек с пронизательным и уверенным взглядом. Выглядел он вполне благопристойно и, по словам Додда, пользовался репутацией великолепного «замочных дел мастера». Он не нуждался в наводящих вопросах, чтобы более-менее связно рассказать о своих делах с колледжем Святого Антония. Его «колоритные» показания записывал вызванный для этого дюжий, но довольно меланхолический сержант.

– Покойный доктор Хамплби, – начал мистер Тэпп, – вызвал меня ровно неделю назад. Если точно – а вам ведь надо именно это, – покойный доктор Хамплби мне позвонил.

– А если еще точнее, – прервал его Эплби, – скажите, доктор Амплби звонил вам лично или же позвонил кто-то еще, прежде чем доктор Амплби говорил с вами?

Вопрос не застал Тэппа врасплох: он, очевидно, ждал его. Амплби лично вызвал слесаря, который незамедлительно явился в ректорские апартаменты.

– Понимаете, – продолжал Тэпп, – покойный доктор Хамплби просто места себе не находил. Он так суетился и волновался из-за этих самых замков. Ну, суетился, по-моему, слишком сильно сказано, но что спешил, это точно. Ему хотелось, чтобы замки поменяли чем быстрее, тем лучше. Он растолковал мне, что к чему да почему – скубент какой-то шастал себе туда-сюда. Да, сильно волновался покойный доктор Хамплби.

Эплби разглядывал мистера Тэппа с куда большим интересом, чем пару минут назад.

– Ну так вот, – тем временем говорил «замочных дел мастер», – это был не то чтобы большой заказ, но не очень-то и маленький. Значит, вчера утром я все приготовил к установке, и покойный доктор сказал, что так сгодится. Очень он интересовался, что да как я стану делать, и особенно ключами. Вот ими покойный доктор очень озаботился. Надо было сделать десять ключей и вручить ему в руки. Все десять он и получил сразу же, как я поставил замки и самолично их проверил.

– А как именно он их получил? – спросил Додд. – И насколько надежно они у вас хранились?

– Ну, я неделю самолично работал с ними, сам все собирал и ставил. Чертеж был в сейфе, и замки с ключами тоже. Вынимал я их оттуда только для работы. Так уж, знаете, заведено у высококлассных слесарей по замкам. Не то чтобы у меня все работы высококлассные. Но этот заказ был очень важным, и выполнил я его соответственно. Я поставил замки вчера утром, а потом лично встретился с доктором Хамплби и передал ему десять ключей, как и требовали. С той самой минуты, как я начал работать с заготовками, до того, как я вручил все до единого ключи доктору, я обращался с ними, как с мешочком золотых соверенов. А их нынче не очень-то часто встретишь, – закончил мистер Тэпп, несколько отклонившись от темы.

После нескольких дополнительных вопросов окончательно выяснилось, что новые замки и ключи изготавливались в полной «изоляции» от посторонних глаз. Теперь стоявшая перед Эплби задача отслеживания ключей значительно упрощалась. Он вернулся к той части показаний Тэппа, которая вызвала у него особый интерес.

– Вы говорите, что доктор Амплби волновался по поводу ключей и объяснил вам причину: поведение одного из студентов, так? Насколько сильно он волновался? Можно ли сказать, что он был встревожен и действительно очень переживал из-за этого?

Тэпп ответил сразу же:

– Что встревожен, сэр, я бы так не сказал. Но то, что суетился и волновался, это точно.

Эплби терпеливо продолжил:

– Не встревожен по-настоящему, но волновался. Вы не могли бы пояснить подробнее? Тревога и волнение – понятия очень схожие. Пожалуйста, объясните, что вы подразумеваете под словом «волновался»?

Пару секунд Тэпп раздумывал.

– Ну, как бы вам сказать, сэр... – наконец произнес он. – Волнение для меня не совсем уж суета. А когда человек суетится, он и вправду переживает. По-моему, тут все понятно. И, уж конечно, доктор Хамплби очень спешил.

Вот и все, что удалось вывести у «замочных дел мастера». Его отпустили после того, как он подписал «удобоваримую» версию своих показаний, составленную меланхоличным сержантом.

– Вот ведь интересно, – удивился Эплби, – что Амплби сподобился изложить этому праведнику Тэппу причины замены замков и ключей. Что-то я тут не понимаю, Додд. А вы? Все это кажется мне весьма странным. Эта странность может являться не чем иным, как минутной слабостью характера. Именно этим я объясняю то, что в течение весьма короткого времени поведение Амплби отличалось от вполне обычного поведения весьма ординарного жреца храма науки. Или же за этим может скрываться нечто более значительное. То же самое относится к другому интересному моменту. Амплби, по словам нашего друга, волновался по поводу этого дела. Он, если мерить «суетой» и «спешкой», находился в возбуждении и на грани тревоги.

– Есть нечто, что представляется мне куда более значительным, – бесстрастно произнес Додд. – Имелся один лишний ключ.

Эплби присвистнул второй раз за вечер.

– И снова ваш аргумент! Декан, Эмпсон, Готт, Хэвеленд, Лэмбрик, Поунолл, Титлоу, один ключ старшему привратнику... Так-так! Получается восемь. Значит, было два запасных ключа?

Додд покачал головой:

– Старший привратник повесил один ключ себе на кольцо, а другой спрятал как запасной у себя в сейфе. Необходимо выяснить, где еще один ключ. Наша задача очень усложняется.

– Возможно, сам Амплби оставил себе ключ?

Додд снова не согласился:

– Не думаю. По крайней мере, как говорит декан, у него никогда не было ключа. Да и зачем? Он мог выйти из своих апартаментов или в Садовый сквер, или на основную территорию. Точно так же задняя дверь выводила его на улицу. Разумеется, в его вещах мы никакого ключа не обнаружили.

– Пропавший ключ, – пробормотал Эплби. – Знаете, я даже доволен тем, что он выплыл. Это означает, что в вашей «подлодке» что-то не в порядке. А ведь до этого казалось, что она уж слишком плотно задраена.

Однако говорил он это все рассеянно, бормоча себе под нос, расхаживая из угла в угол. Затем, внезапно нетерпеливо взмахнув рукой, он направился обратно в кабинет.

III

Эплби осторожно приподнял черную мантию, обернутую вокруг головы покойного ректора. Чуть раньше, после того как судебный медик констатировал смерть, ее пока что вернули на место. На ней виднелась запекшаяся кровь, но совсем немного. Эплби положил мантию на ближайший стул. Он с любопытством рассматривал тело ректора. У Амплби, несмотря на его худощавость, была на удивление массивная и тяжелая голова с высоким выступающим лбом, надменно вздернутым носом и тяжелой нижней челюстью. Рот, чуть приоткрывшийся после смерти, при жизни не был уж никак не чувственным, губы складывались в прямую линию, можно даже сказать, жесткую. Холодные серые глаза тоже оставались открытыми. Черты лица были невозмутимы и сдержанны, разительно контрастируя с маленькой жуткой дырочкой посередине лба. Смерть смела бремя лет с мертвенно-белого лица. Прошло несколько мгновений, прежде чем Эплби убедился, что Амплби – довольно старый человек. Инспектор не стал осматривать тело и снова накрыл голову мантией, словно импровизированным саваном. Именно мантия и привлекла его внимание.

– Я так полагаю, что мантия не его? – спросил он Додда.

– Нет, не его. К тому же там нет именной метки. Дело в том, что я не проводил повторных, более тщательных допросов и до мантии не дошел.

– Думаю, не следует тратить на это силы. Мантия принадлежит доктору Барочо.

Немного подумав, Додд осторожно спросил:

– Вы хотите сказать, что мантия иностранного производства, не английского?

– Именно так, и Барочо – наиболее вероятный ее владелец. Однако сомневаюсь, что этого достаточно, чтобы доставать наручники. Кстати, что там с перемещениями всех этих субъектов? До какого момента вы проследили их передвижения после того, как они прошлым вечером разошлись из профессорской?

Эплби снова принялся мерить шагами кабинет. Додд покопался в своих бумагах и ответил:

– В течение дня я снял предварительные показания со всех, кто, вероятно, замешан в этом деле. Точнее сказать, со всех, кто был, скорее всего, замешан, пока не появился этот чертов десятый ключ. В некоторых показаниях содержатся алиби на момент выстрела, в других – нет. Проверка идет настолько быстро, насколько это позволяют силы и навыки трех моих людей. Кстати сказать, теперь их в интересах дела переподчинили вам. Вот вам экземпляры различных показаний. Рекомендую внимательно с ними ознакомиться.

С этими словами Додд положил перед своим коллегой небольшую стопку бумаг, всем своим видом довольно прозрачно намекая на то, что перекладывает ответственность на столченного сыщика. Эплби обратился к первому листку.

«Слотуайнер, Джордж Фредерик (54 года). Начал службу в колледже кладовщиком в 16 лет. Личный слуга доктора Амплби со времени избрания последнего деканом колледжа в 1910 году. Дворецкий со времени занятия доктором Амплби должности ректора в 1921 году.

10.30 вечера. Принес напитки в кабинет, застал ректора одного, работающим за столом. С этого момента отчетливо видел дверь кабинета из кладовки.

11.00 вечера. Прошел через холл и впустил мистера Титлоу через главную дверь. Титлоу говорил с ним в момент выстрела. Вошел в кабинет вместе с Титлоу и обнаружил тело. Вернулся в холл и позвонил врачу, привратнику и в полицию. Вернулся к Титлоу в кабинет и охранял его до прибытия привратников.

11.10 вечера. Передал записку Титлоу декану.

Подтверждение: Титлоу.

Титлоу, Сэмюэль Стилл (51 год) ...»

В этот момент чтение прервал громкий стук в дверь. В небольшой приоткрывшийся проем просунулась голова меланхоличного сержанта, мрачным тоном объявившего:

– Посланец из долины смерти!

Долина смертной тени... На какое-то мгновение в полутемной комнате с разбросанными повсюду человеческими костями эти слова прозвучали почти что пугающе. Через секунду все разъяснилось с появлением в дверях неброской фигуры, закутанной в черное одеяние. Негромкий голос запротестовал:

– Констебль, прошу вас пропустить меня, я дворецкий!

Затем последовало продолжение, сопровождавшееся едва заметным поклоном в сторону Додда:

– Сэр, декан выражает вам свое почтение, и если джентльмен из Лондона уже прибыл, он будет рад принять его у себя в удобное для него время.

Эплби с неподдельным интересом разглядывал Джорджа Фредерика Слотуайнера, поскольку перед ним предстал первый непосредственный участник недавно разыгранной драмы. По нему не было заметно, что он хоть какое-то время служил в армии. Худощавый, с несколько землистым лицом, он двигался и держался как типичный «привилегированный» слуга. Его близорукие глаза взирали на мир сквозь стекла пенсне надменно и в то же время смущенно. Надменно потому, что при внимательном рассмотрении в его взгляде можно было прочесть стремление пробиться из дворецких в экономы, а из экономов – в мажордомы и камердинеры. Смущенно же оттого, что у стороннего наблюдателя могло сложиться впечатление, что неестественно прямая осанка их обладателя являлась не столько признаком собственного подобного рода прислуге собственного достоинства, сколько результатом постоянных попыток удержать пенсне на носу. В то время как Эплби старался развить свою мысль, Слотуайнер, очевидно, пытался сообразить, позволяет ли этикет явственно признать присутствие джентльмена из Лондона. Он слегка поклонился в сторону Эплби и, достигнув наконец разумного компромисса, в бесстрастном молчании ждал ответа.

Эплби разрешил все его трудности.

– Передайте декану уверения в моем глубочайшем почтении, – произнес он, – и скажите, что я посещу его через полчаса. Когда инспектор Додд позвонит, не откажите в любезности проводить меня к декану.

Дворецкий было развернулся, чтобы выйти, как Эплби внезапно добавил:

– Одну минуту. Когда ректор в последний раз зажигал здесь свечи?

Этот вопрос произвел поистине поразительный эффект. Слотуайнер резко повернулся, позабыв о присущих его статусу размеренности и высокопарности, и уставился на Эплби. Его лицо выражало изумление и растерянность куда большие, нежели те, что оправдывали

бы пусть даже и несколько странный и внезапный вопрос, прозвучавший ему вслед над телом покойного «шефа». Однако через мгновение конфуз на его лице сменился недоумением, еще секунда – и он полностью овладел собой.

– Ректор никогда не пользовался свечами, сэр. Извольте убедиться, комната очень хорошо освещена.

С этими словами Слотуайнер сделал быстрое движение рукой и щелкнул выключателем у двери. Одинокую лампочку тотчас же поглотило сияние полудюжины настенных светильников, бросавших яркий свет на потолок.

Эплби продолжал:

– Где и как ректор обычно сидел, будучи здесь вечерами? Включал ли он весь свет или только одну лампочку?

На сей раз дворецкий ответил сразу. Работая за столом или сидя в кресле у камина, доктор Амплби обычно довольствовался одной лампочкой. Однако если он подходил к книжным полкам или принимал посетителей, он включал весь свет. Выключателей два: один – у камина, а второй – у двери.

Эплби задал следующий вопрос:

– Каково было освещение вчера в десять тридцать вечера?

– Горели все светильники, сэр. Когда я находился в кабинете, ректор выбирал книги на полках в дальнем углу.

– А после, когда вы вбежали вместе с мистером Титлоу?

– Горела лишь одна лампочка.

– Возможно, доктор Амплби выключил светильники, вернувшись к столу?

– Не могу сказать точно, сэр. Вполне вероятно.

– Скажите, что происходило с освещением потом?

– Прошу прощения, сэр?

– Я хочу сказать, включили ли вы или мистер Титлоу все светильники тотчас же, как обнаружили тело?

Слотуайнер замялся.

– Не знаю, сэр, – наконец произнес он. – То есть я не уверен. Полагаю, что я сам включил весь свет, но в подобной ситуации я бы сделал это машинально. Нет, с полной уверенностью не могу этого утверждать. Позже, разумеется, горел весь свет.

Слотуайнер, почувствовав, что его допрашивают по всей форме, говорил осторожно и тщательно подбирая слова. Однако Эплби решил пока не напирать.

– Я дослушаю вас до конца немного позднее, – сказал он. – А теперь всего один вопрос.

Он было повернулся, якобы давая понять, что разговор окончен, но тут же снова развернулся к дворецкому лицом и посмотрел ему прямо в глаза испытующим взглядом.

– Интересно, почему вас так ошарашил мой вопрос о свечах?

На сей раз Слотуайнер оказался начеку.

– Сам того не знаю, сэр, – ответил он. – Если можно так выразиться, вопрос – все вопросы, сэр, – был несколько неожиданным. Я никак не могу объяснить свою реакцию. Вы, очевидно, заметили, как я смутился. Если попытаться выразить мои чувства словами, то «замешательство» подойдет более всего. И я сам удивляюсь, почему я растерялся.

Слотуайнер умолк, очевидно, раздумывая. Затем продолжил:

– Меня удивило не внешнее содержание вопроса, поскольку я совершенно уверен, что в этих апартаментах свечами никогда не пользуются. Доктору Амплби они были не нужны, а при наличии такого количества деревянной облицовки я бы, разумеется, запретил остальной прислуге использовать их. Чтобы быть понятным до конца, сэр, я выражусь несколько научно, сказав, что в вашем вопросе содержался скрытый подтекст. Интонация была весьма специфической.

Триумфально закончив свою научную речь, Слотуайнер снова едва заметно поклонился и почти выплыл прочь из кабинета.

Додд сдержанно хмыкнул. Он бы расхохотался, если бы его взгляд не упал на лежавшее возле камина тело.

– Вот видите, что значит оказаться среди ученого люда, – произнес он. – Если вы получили такую тираду от дворецкого, что же вас ждет у декана, а?

Однако Эплби улыбнулся в ответ скорее задумчиво, нежели весело.

– Интонация была весьма специфической, – повторил он. – Знаете, Додд, это довольно занятный субъект, и он сказал кое-что интересное. Кстати, – Эплби простодушно взглянул на своего коллегу, – а что вы думаете обо всех этих свечах?

Додд непонимающе посмотрел на Эплби.

– О каких свечах? – переспросил он. – Не пойму, куда вы клоните.

Вместо ответа Эплби взял своего коллегу под руку и провел в противоположный конец кабинета, где он уже успел побывать раньше, словно осматриваясь. Здесь книжные шкафы не только стояли вплотную к стенам, но и небольшими башенками возвышались на полу. В одном из таких поворотных шкафов размещался «Национальный биографический словарь», в другом «Новый английский словарь» – многотомные академические издания в тяжелых, добротных переплетах. Однако Эплби подвел Додда к третьей из четырех башенок. Она представляла собой еще один поворотный шкаф, и Додд обнаружил, что взирает на четырнадцать пухлых томов Афиней Навкратийского.

– «Пир мудрецов», – бормотал Эплби. – Издание Швейггейзера... Занимает много места. Карманный Диндорф... А вот и он.

Эплби указал на угол нижней полки, где стояло то же самое огромное собрание сочинений, на сей раз втиснутое в три компактных томика, изданных в Лейпциге. Додд, пришедший в некоторое замешательство при виде всей этой академической абракадабры, проворчал подозрительным тоном:

– Вон те три крайние книжки стоят вверх ногами. Вы это имели в виду?

– Да, именно это. Сколько тут, по-вашему, книг? Тысяч восемь-девять, а? Пригляди-тесь, стоят ли остальные вверх ногами. Ученые нечасто так обращаются с книгами.

Додд деликатно отклонил приглашение.

– По-моему, вы что-то говорили насчет свечей. Это что, очередная академическая шутка?

Эплби прервал осмотр нижней полки, выпрямился и показал на полированную крышку шкафа, который они изучали, находившуюся на высоте груди. В нескольких сантиметрах от края виднелось пятнышко миллиметров десять в диаметре, похожее на свечной воск.

– Какое-нибудь моющее средство, – предположил Додд. – Возможно, восковая натирка. Слуга не очень аккуратный попался.

– А может, взломщик? Взломщик-любитель со свечой? – Эплби выдвинул встречное предложение.

Реакция Додда была мгновенной: он пулей вылетел из кабинета. Когда он вернулся, Эплби стоял на коленях возле трупа.

– Вы были правы, Эплби, – нетерпеливо объявил он. – Эти шкафы натирают только одним видом эмульсии. И натирали их вчера утром. Горничная клянется, что там не было ни пятнышка. Сама же она весьма почтенная и уважаемая пожилая особа.

Он умолк. Увидев, что Эплби закончил осмотр тела, Додд продолжал:

– У меня тоже есть что вам показать в этой нише. Я тут же связал это с вашим предположением о взломщике. Извольте видеть, мы также не обошли вниманием девять тысяч книг.

Он провел коллегу в угол комнаты и остановился, но на сей раз не у поворотного шкафа, а у книжных полок с плотно стоявшими там томами. Засунув руку за вполне обычный на вид ряд полок, он резко дернул, и вся «постройка» легко повернулась на петлях.

– Таким способом иногда украшают двери в библиотеках, так? А теперь посмотрите, что за муляжами.

За муляжами оказался встроенный в стену несколько необычный сейф в форме выдвижного ящика.

– Взломщик, шаривший тут со свечой в руках, – заметил Эплби, – вряд ли бы с ним справился. К тому же сейф очень трудно найти, если он не знал о его существовании и расположении. Вы, я полагаю, также не знали?

Додд понятия о нем не имел до недавнего времени. Он обнаружил сейф во время тщательного осмотра. Тысячи книг с полок не снимали, но на каждую нажимали до упора в поисках оружия, которое могли спрятать между книгами и стеной. Додд ручался, что это не его люди перевернули вверх ногами карманного Афиня. Он лично осматривал именно этот поворотный шкаф и решил, что вынимать книги нет необходимости. Он также лично обследовал всю нишу и в процессе осмотра наткнулся на замаскированный сейф.

Взгляд Эплби снова заскользил по бесконечным рядам книг, попутно подмечая, чем интересовался покойный. Но именно габариты сотен тяжелых фолиантов на нижних полках подвигли его на следующее замечание:

– Нам повезло, что его убили выстрелом в голову. Видите, от каких трудов это нас избавило?

Заметив недоуменный взгляд коллеги, Эплби продолжал:

– Представьте себе следующее. Амплби хочет покончить с собой. По той или иной причине, возможно, чтобы просто добавить чертовщины, он решает скрыть сам факт самоубийства. Так вот, он берет любую книгу, побольше или поменьше, – с этими словами Эплби похлопал по небольшому, но пухлому тому, – и прорубает там некое «дупло», где можно спрятать маленький автоматический пистолет. Он открывает книгу левой рукой, стоя у полки, затем приставляет пистолет к месту, определенному после тщательного изучения

анатомии, стреляет, сует пистолет в книгу, а книгу на место. Потом он ковыляет через кабинет и падает бездыханным именно там, где вы его видите!

Следуя за «указующим перстом» Эплби, Додд прошел туда, где лежало тело. Небольшое круглое отверстие посреди лба придало ему уверенности. Однако он с обостренным любопытством посмотрел на пергамент, холст и сафьян. Ряды блестящих, позолоченных, выцветших, сверкающих и покрытых пятнами корешков словно являли собой воплощенную четырехсотлетнюю историю переплетного искусства. Между тем Эплби сердито взмахнул рукой, словно впустую потерял массу времени, и вновь обратился к замаскированному сейфу.

– Отпечатки есть? – спросил он.

Додд отрицательно покачал головой.

– Вообще никаких? – удивился Эплби, явно заинтригованный.

На сей раз Додд утвердительно кивнул.

– Да, боюсь, что так, – ответил он. – Никаких, кроме пальцев самого Амплби. Никому не потребовалось затирать после себя отпечатки. Похоже, что сейф не трогали. Но вот ведь что интересно. Кажется, о сейфе не знает ни одна живая душа. Я задавал всем подряд наводящие вопросы вроде «Вы случайно не знаете, где ректор хранит ценные вещи?» Потом я начал спрашивать напрямую. Слотуайнер, прочая прислуга, декан и все остальные ученые – никто из них не сказал, что знает о существовании сейфа. Плюс к нему нет ключа. Там только цифровой замок, и больше ничего. Причем замок не из тех, где комбинация цифр открывает доступ к замочной скважине. На дальнейшее изучение у меня просто не хватило времени.

Услышав о времени, Эплби взглянул на часы.

– Мне пора к декану, – сказал он. – А вам пора бы поужинать и отдохнуть. Думаю, тело можно уносить.

Додд кивнул:

– Тело увезут в морг. Комнату закроют и опечатают, а вы оставьте себе ключ. Вам решать, когда надо собирать в мешок эти чертовы кости.

Эплби хмыкнул:

– Я вижу, что урна с мощами не дает вам покоя. Думаю, это вам поможет.

Он поднял малоберцовую кость и помахал ею в сторону Додда с неким цинизмом, протительным с профессиональной точки зрения. Затем, проводя параллель, понятную лишь тому, кто знаком с творчеством сэра Томаса Брауна, Эплби пробормотал:

– Что за песню пели сирены, или каким именем назывался Ахилл, скрываясь среди женщин...

Кость с сухим стуком упала поверх кучки, Эплби на мгновение умолк, а затем добавил:

– Надеюсь, еще один вопрос также не останется загадкой.

– Еще один вопрос?

Эплби обернулся, стоя у самой двери:

– Кто, мой дорогой Додд, владельцы этих костей? Это надо выяснить у здешних либералов-вольнодумцев.

Глава 3

I

Декан колледжа Святого Антония преподобный и достопочтенный Трейси Дейтон-Кларк хотя и пребывал в среднем возрасте, однако умудрялся выглядеть как непоколебимые столпы великой Викторианской эпохи. Выражение его лица было почти суровым и в то же время снисходительно-доброжелательным. А небольшие бакенбарды сразу же вызывали в памяти помпезные холсты Джорджа Фредерика Уоттса. Его манеры совмещали в себе изысканную учтивость вкупе с довольно смелым сочетанием отчужденности и шарма, вошедшими в моду два поколения тому назад благодаря трудам Мэтью Арнольда. Декан любил представлять себя в роли эдакого «последнего римского принцепса» из уходящих в прошлое высокодуховных и благопристойных университетов, где научное сообщество обладало не только академическими знаниями, но и утонченными манерами.

Склонный к психологизму Слотуайнер, который, как говорили, во многом копировал манеры мистера Дейтона-Кларка, отметил бы, что в последнее время деканом овладели эпизкопальные и некие пассионарные идеи. И в самом деле, эти идеи как бы витали над ним теперь, своим мягким полусветом несколько сглаживая весьма неприятные обстоятельства, которые он обдумывал, стоя в своем кабинете у камина, облаченный в элегантную церковную мантию.

Эта комната представляла собой разительный контраст с мрачными и давящими своей тяжеловесной основательностью апартаментами покойного ректора. Вокруг обюссонского ковра тонкой работы, по которому студенты инстинктивно ступали на цыпочках, словно школьники, располагались невысокие белые книжные шкафы с трудами Отцов Церкви и иерархов в кремовых пергаментных переплетах. Стены были обшиты панелями такого же кремового цвета с раскрашенной под золото резьбой в стиле XVII века. Отделка потолка представляла собой дубовые поперечные брусья, в промежутках между которыми несколько странно, но гармонично сверкали двенадцать серебряных знаков зодиака на синем фоне. Над камином в своей строгой красоте парила одна из безупречных мадонн работы Пьеро делла Франческо. Цвет ее одеяния полностью сочетался с синим зодиакальным фоном на потолке. Все это составляло прекрасную картину. Остальная часть обстановки не представляла никакого интереса. Мистер Дейтон-Кларк и Пресвятая Дева занимали в кабинете главенствующее положение.

Однако в тот момент помыслы и чувства декана были далеки от этого. Он сомневался в собственной правоте, чего он очень не любил и всячески избегал, однако не был уверен в правильности, обоснованности и взвешенности решения, которое принял нынче утром. Настаивать на прибытии инспектора уголовной полиции, безусловно, небезызвестного, из Скотленд-Ярда из-за этого ужасного происшествия! Сказать, что это станет поводом для широкой огласки, значит не сказать ничего!

Взгляд мистера Дейтона-Кларка медленно устремился к потолку, словно ища утешения на своих личных астрологических небесах. Он несколько успокоился, переведя взор с Рака на застывшую в напряжении фигуру Стрельца. Он предпринял решительные действия. Но разве (эта мысль теплилась где-то на периферии сознания декана) в данном случае не способность к таким действиям сможет сыграть главную роль, когда встанет вопрос о его возможном повышении? В этот момент глаза декана, блуждавшие среди созвездий, остановились на Водолее, «что хладну воду из сосуда льет». Слово по ассоциации «холодный –

душ», он вдруг куда явственнее, чем раньше, представил себе все пагубные последствия сложившейся ситуации. Оказаться замешанным в скандале при этих жутких обстоятельствах и в условиях общенациональной огласки! «Это едва ли пойдет на пользу, – мрачно подумал он, – каковы бы ни были результаты следствия». Ему лишь оставалось надеяться, что расследование не даст сенсационных результатов внутри самого колледжа, и молиться об этом. В течение дня декану почти что удалось себя убедить, что в конечном итоге не останется никаких сомнений в том, что преступление (преступление в Святом Антонии!) пришло «извне», что оно плод чудовищных деяний сумасшедшего.

Однако тут на сцену выступили Весы. Следовало соотнести надежды с реальным положением дел. Пусть этот сыщик окажется образцом прозорливости, пусть он потешит почтеннейшую публику, после чего придется довольно сильно понервничать, когда одна за другой станут появляться и тут же лопаться поразительные, невероятные и недоказуемые версии. Дейтон-Кларк с самого начала осознал, что донельзя скверные «топографические» обстоятельства дела наводили на такие подозрения, о последствиях которых было даже страшно подумать. Он нахмурился при мысли о своих коллегах, подозреваемых в убийстве. Как они выдержат натиск полицейских, следователей и юристов? Как он сам выдержит эту травлю? Хвала Провидению, он и его коллеги были людьми разумными и уравновешенными.

А эти кости! Это просто помешательство какое-то. Вчера вечером, когда он их впервые увидел, они напрочь вывели его из равновесия. В первые мгновения он оказался куда более раздражен видом костей (припомнил он с некоторой неловкостью), нежели удручен случившейся трагедией. Однако позже он почувствовал, что, возможно, это и к лучшему. Сама иррациональность их наличия там переводила преступление из разряда зловещих и тщательно продуманных в область фантастических и гротескных. Кости служили неким бастионом между размеренностью и здравомыслием жизни колледжа и этим жутким происшествием.

И тут, словно хором возопили Лев, Телец и Овен, мистер Дейтон-Кларк осознал, насколько зыбки его умозаключения. Начать хотя бы с того, что этот сыщик сразу заподозрит, что кости – явный блеф или обманный маневр. Это же очевидно, все лежит на поверхности! Если сыщик хоть немного образован, он может логически прийти к выводу, что здесь явлена фантазия, некая иррациональность, которая может тешить интеллектуально развитый ум при подготовке тщательно продуманного преступления. «Сочетание вполне в стиле Эдгара По», – подумал Дейтон-Кларк.

Кости ему решительно не нравились. И вдруг декан понял, что подспудно они тревожили его с самого начала. Зловещие, вызывающие ужас останки, несомненно, должны были навести на мысли о чем-то... забытом, задавленном, втиснутом в самые дальние уголки его сознания... Он занервничал. И правосудия скамья (он услышал воскликнувший невольно свой внутренний голос) нас всех, зевая, ждет...

Мистер Дейтон-Кларк резко осадил себя. Он определенно устал. Даже не устал, а лихорадочно искал решение. Разумеется, произошло нечто жуткое. Убийство – загубленная душа, неготовая предстать перед Всевышним – одинаково ужасное деяние в колледже или в коттедже. Он редко когда находил общий язык с Амплби. Но что значили теперь их былые разногласия! Декан взглянул на часы. Полчаса до общей трапезы, а потом профессорская. И там, и там ему предстоят суровые испытания. В этот момент раздался стук в дверь и короткий доклад: «К вам мистер Эплби».

II

Происходящие рядом загадочные события, как убедился декан, служат источником раздражения по поводу и без такового. Вот и теперь он чувствовал себя раздосадованным по

двум самым пустяковым причинам. Незнакомец, которого только что проводили к нему, оказался на удивление молодым человеком, и выглядел он – на самом деле таковым и являлся – воплощением всего того, что мистер Дейтон-Кларк вкладывал в понятие «аристократичный». Хотя эти два обстоятельства и сбивали с толку, их вполне можно было обратить себе на пользу. Помедлив самую малость, декан шагнул к гостю и пожал ему руку.

– Рад видеть вас, мистер Эплби, – сказал он. – Весьма отраднo, что представилось возможным... э-э... ввести вас в курс... – декан замялся, – этого расследования. Прошу садиться.

Эплби с подобающей учтивостью ответил на приветствие и сел в кресло, на которое ему указал хозяин кабинета, стоявшее прямо напротив стола декана, где все предметы занимали строго определенное положение. Стало ясно, по крайней мере, из «вступительной части», что мистер Дейтон-Кларк намерен играть ведущую роль в их разговоре. Постукивая по подлокотнику кресла скорее намеренно, нежели нервничая, он начал говорить ровным, даже холодным, однако хорошо поставленным голосом.

– Вам известны чрезвычайные обстоятельства, при которых наш ректор покинул сей мир, – начал он. – Стоит ли говорить, что весь университет потрясен до основания. Долг и святая обязанность колледжа состоят в том, что мы обязаны всецело содействовать расследованию и свершению правосудия. Как только я осознал всю серьезность происшедшего, то счел, что колледж сам, по собственной инициативе должен предпринять... решительные действия. – Мистер Дейтон-Кларк сделал паузу и задумался. – И дабы упредить возможную медлительность местных властей, я предпринял некоторые шаги, чтобы не медля получить помощь из Лондона. Быстрота, с которой последовал ответ на мой запрос, выше всяких похвал. К тому же это укрепило наш дух и придало нам уверенности. Мы надеемся, что вы, мистер Эплби, раскроете это ужасное дело.

Декан снова сделал паузу, и не успел Эплби рта открыть в ответ, как мистер Дейтон-Кларк снова продолжил в том же напыщенном стиле. Очевидно, он только что завершил вступление или преамбулу и намеревался произнести что-то вроде речи. Возможно, это просто академическая привычка к высокопарному многословию. Весьма вероятно, это его отличительная черта, за которой что-то скрывается. Как бы то ни было, инспектор сидел смирно с видом благоговейного внимания.

– Мне бы не хотелось, – продолжал декан, – говорить о том, что эта трагедия произошла в самый неподходящий момент. Это было бы кощунственно. Тем не менее вы поймете меня, когда я скажу, что всего через два месяца колледж отметит пятисотлетнюю годовщину своего основания. Торжества предстоят... э-э... самые разнообразные. Известно, например, что доктор Амплби должен был быть посвящен в рыцарское звание. Факт, что колледжу придется начать шестое столетие своей истории со смерти ректора, ужасен сам по себе. Но куда прискорбнее то, что нам придется страдать от долгой, мучительной неизвестности и скандальных пересудов. И чем дольше дело о смерти доктора Амплби останется неразрешенным, тем сильнее – как это ни печально – станет разрастаться скандал. Мне это слишком хорошо известно, мистер Эплби. И мой долг как исполняющего обязанности главы учебного заведения состоит в том, чтобы ныне живущие никоим образом не пострадали от злословия или подозрений. Это в равной мере относится как к их душевному спокойствию, так и к их положению в обществе и материальным интересам.

Тут мистер Дейтон-Кларк, кажется, умолк надолго. Возможно, оттого, что в своем выступлении несколько отклонился от темы и сказал то, что не следовало бы говорить. Эплби ответил коротко. Ему в полной мере известна природа самых невероятных и несостоятельных слухов. Расследования по различным направлениям, очевидно, не избежать, однако все свои следственные действия он станет проводить в высшей степени осмотрительно. Он надеется, что ему удастся пресечь любопытство прессы... Тактичный ответ Эплби, увенчан-

ный многозначительной паузой, произвел ожидаемый эффект. Мистер Дейтон-Кларк заговорил снова. На сей раз он перешел от общих положений к частностям.

– Доктор Амплби, – заметил он с некой доверительностью в голосе, – погиб при весьма запутанных обстоятельствах, которые полиция начнет трактовать в различных аспектах. Однако при полноценной трактовке должно принимать во внимание не только реалии чисто физические и временные, но также и психологические факторы. Совершенно очевидно, что убийство в Святом Антонии совершено не по «внутренним» причинам, связанным с жизнью колледжа.

Эплби частично принял это предположение, высказанное в весьма витиеватой форме.

– Я согласен, – ответил он, – что чисто материальные обстоятельства ни в коей мере не убедительны окончательно. Они могут оказаться обманчивыми, намеренно вводящими в заблуждение. Должен признать, что они никоим образом не указывают ни на конкретного человека, ни на некую группу людей. Они лишь факторы в сложившейся многогранной ситуации, о которой на данный момент мне известно очень и очень мало.

Эплби сделал паузу, чтобы его слова отложились в сознании декана, и продолжил:

– С костями все в высшей степени странно. Они вполне могут указывать на чисто иррациональный аспект дела. Я припоминаю нечто очень похожее, сэр, относящееся к убийству в Камберленде. Болезненная одержимость насилием в сочетании, если мне не изменяет память, с навязчивым маниакально-депрессивным психозом. Человек ворвался в первое попавшееся здание – как выяснилось, в паб – и совершил убийство. После этого он учинил там форменный погром, мелом написал на стене свое имя и отправился домой. Позднее в психиатрической лечебнице так и не удалось выяснить, помнил ли он что-либо о том происшествии.

Доподлинно не известно, проникся ли мистер Дейтон-Кларк этим ободряющим рассказом после своего выступления по поводу желаемой официальной версии о костях. Однако в сочетании с потакающей манерой Эплби эта история побудила его продолжить ход своих мыслей, которые он явно хотел развить.

– Смерть доктора Амплби, – согласился он, – вполне могла быть делом рук психопата.

И в самом деле, другого объяснения декан не видел и считал в высшей степени вероятным, что наличие костей указывает именно на это, однако не является безусловным доказательством. Кости могли играть роль отвлекающего маневра – этот вариант мистер Эплби, безусловно, рассматривал, – хотя сама очевидность их наличия в большой мере позволяла не принимать эту версию в расчет. Но в одном декан был твердо уверен: в пределах самого колледжа Святого Антония не существовало ни обстоятельств, ни отношений, ни отдельных людей, которые в какой-либо мере могли бы хоть как-то быть связаны с покушением на жизнь ректора. Мотивы действий и сами действия мистера Дейтона-Кларка и его коллег могли вполне законно быть подвергнуты тщательному расследованию. С его стороны не последует никаких возражений. Однако в интересах скорейшего раскрытия преступления он с полной ответственностью заявляет, что убежден: сколь бы обстоятельства ни внушали вероятности обратного, суть проблемы и глубинные причины происшедшего находятся за пределами колледжа Святого Антония.

«Вот интересно, – подумал Эплби, – почему этот господин рассыпается в клятвенных заверениях? Или же он, прикрываясь вычурным красноречием, изо всех сил пытается убедить в чем-то самого себя?»

Однако декан еще не закончил. Стоя спиной к камину, он посмотрел Эплби прямо в глаза и снова заговорил.

– Мистер Эплби, – начал Дейтон-Кларк, и фразы были коротки, чего он не позволял себе раньше, – существует еще одно обстоятельство. Вы можете найти виновного, безумца или человека в здравом уме, хоть завтра. Или же, как я уже сказал, вам потребуется прове-

сти тщательное расследование, затрагивающее всех нас. В этом случае вполне возможно, что вы столкнетесь, скорее всего, наверняка с некими весьма необычными и даже досадными фактами. Именно эти факты, заявляю вам с полной ответственностью, способны ввести вас в заблуждение. В нашем колледже свои нормы поведения, и я надеюсь, что они соответствуют моральному кодексу людей высокообразованных и настоящих джентльменов. Но с чисто внешней стороны – я намеренно употребляю это словосочетание – в достаточной мере присутствуют профессиональная зависть, конфликты и даже некие антипатии. Если вам случится столкнуться с таковыми, я хотел бы попросить вас о двух вещах. Во-первых, соотносить всю серьезность этих ученых споров с той ролью, которую они могут сыграть в процессе расследования тягчайшего преступления. Во-вторых, тщательно взвесить их возможную важность, прежде чем решиться предать их огласке.

Это была одна из лучших речей мистера Дейтона-Кларка, и теперь он вполне мог почить на лаврах. Однако он хотел кое-что добавить и сделал это весьма красноречиво:

– Приведу вам пример. Всего лишь несколько дней назад доктор Амплби и я чуть было не поссорились, причем прилюдно. Если вдуматься, то вывод напрашивается сам собой: это не причина и даже не повод совершать убийство. Если вникнуть глубже, учитывая данный фактор, то выяснится, что имели место незначительные личные разногласия. Мое мнение таково, что в интересах репутации колледжа их не следовало бы предавать огласке. Поскольку... Ну и так далее. Вам не хуже моего известно, мистер Эплби, что в компании ученых мужей самое незначительное расхождение во взглядах может иметь самые печальные последствия... Однако я в вашем полном распоряжении касательно подобных недоразумений, если вы сочтете нужным прибегнуть к моей помощи, как, впрочем, и мои коллеги, в чем я не сомневаюсь. Мистер Эплби, как вы намерены продолжать расследование?

Однако Эплби, про себя поздравлявший декана со столь изящным по форме признанием недавней ссоры с покойным, лишился возможности ответить. Действительно, все походило на то, что время беседы было с филигранной точностью рассчитано буквально до секунды. Как только мистер Дейтон-Кларк закончил свою речь, раздались мерные удары колокола.

– Это звонят к ужину, мистер Эплби, – объяснил декан. – Боюсь, нам придется перенести разговор на завтра или продолжить его чуть позже нынче вечером, как вам будет угодно. – Сделав выразительную паузу, он заговорил вновь: – Позвольте полюбопытствовать: как вы устроились? Вам ведь необходим постоянный доступ на территорию колледжа. Возможно, вы пожелаете, если можно так выразиться, избрать Святого Антония «местом своей дислокации»? Мы будем рады принять вас, если вы сочтете это удобным, и я обещаю отвести вам удобные комнаты, пребывая в которых вы сможете... э-э... вести дела.

Эплби быстро обдумал это неожиданное предложение. Он с уверенностью решил, что не последует никаких официальных возражений относительно его «дислокации» в колледже, если он сочтет ее целесообразной. К тому же он получал очевидные преимущества. Одно из них заключалось в том, что ему обеспечивался свободный доступ во все помещения колледжа в любое время дня и ночи. Инспектор с благодарностью принял предложение, объяснив, что приехал прямиком в колледж, оставил свой чемодан у привратника и будет рад переночевать в колледже, а в случае необходимости остаться подольше.

Мистер Дейтон-Кларк был явно доволен собой. Он вновь предпринял решительные действия. Возможно, их результатом станет нарушение каких-то ничего не значащих норм этикета. Однако чрезвычайные обстоятельства, в которых оказался колледж, полностью оправдывали все его решения. Декан снова украдкой посмотрел на Эплби (безусловно, перед ним был настоящий джентльмен) и изящно завершил аудиенцию.

– Прекрасно, – произнес он. – Все разрешилось как нельзя лучше. Вы, разумеется, окажете нам честь, отужинав с нами в общей трапезной. Остается лишь сожалеть, что встреча за «высоким столом» состоится при столь грустных обстоятельствах.

Подобного приглашения Эплби явно не ожидал, и его служебный долг обязывал к возражениям. Однако мистер Дейтон-Кларк набрал номер на телефоне цвета слоновой кости и что-то бормотал в трубку, поправляя мантию.

– Ничего страшного, ничего страшного, – повторил он, очевидно, на возражения Эплби. – Вам никоим образом нет необходимости переодеваться. Некоторые члены Ученого совета вообще не снисходят до этого. Мистер Хэвеленд, например, придет в чем был. Он никогда не переодевается к трапезам. Это раздражает, боже мой, раздражало несчастного доктора Амплби. На самом же деле экономя ежедневно приносил ему уведомление, и если Хэвеленд оказывался в зале собраний в своей твидовой паре, ректор очень часто вообще там не появлялся. Боюсь, они друг друга терпеть не могли. Мистер Эплби, позвольте мне проводить вас вниз.

Эплби послушно последовал за ним, чувствуя, что выиграл очко. Преподобный и достопочтенный декан, последние полчаса произносивший высокопарные и благонравные речи, вдруг унился до банальной мелочной сплетни.

Глава 4

I

Одним из замечательных литературных произведений на университетскую тему является «Зулейка Добсон», довольно милая книга Макса Бирбома, в которой все до единого студенты, отчаявшись завоевать симпатию героини, бросаются в роковые воды реки Айсис. Так называют отрезок Темзы, протекающей в районе Оксфорда. Самое интересное, как известно, происходит в конце. Жизнь идет своим чередом, и вечером преподаватели, как обычно, приходят в залы собраний нескольких колледжей. Они ужинают за «высокими столами», совершенно не замечая опустевшие скамьи, где некогда сидели поголовно сгинувшие студенты.

Инспектор Эплби тотчас же вспомнил эту историю, входя в зал собраний колледжа Святого Антония вскоре после происшествия, унесшего не множество жизней, а всего одну. Весь колледж уже был в сборе, когда Эплби в сопровождении мистера Дейтона-Кларка поднимался на невысокий помост. Вокруг «высокого стола» стояли члены Ученого совета, в большинстве своем в мантиях или в смокингах. Выглядели они серьезно и мрачно, однако не мрачнее, чем того обычно требовал предшествовавший трапезе церемониал. Чуть ниже во всю длину зала тянулись столы, расставленные «по статутам». Два стола для студентов, не получавших стипендию и плативших за пансион, одетых в короткие мантии. Такой же стол для более состоятельных, в одеяниях подлиннее. И, наконец, короткий стол для бакалавров, облаченных в мантии до пят. У кафедры рядом с «высоким столом», готовый вознести молитву, стоял псаломщик, голубоглазый студент с личиком херувима, изо всех сил старавшийся выглядеть солидным. Негромкий шепот в зале тотчас смолк, когда декан снял шапочку и церемонно поклонился «херувиму». Тот ответил глубоким поклоном, хотя и не столь церемонным, и принялся с невероятной быстротой тараторить что-то на средневековой латыни. Закончив, псаломщик поклонился, декан поклонился в ответ. Затем мистер Дейтон-Кларк сел, и все, включая Эплби, последовали его примеру. Ритуал соблюдался неукоснительно. Однако вслед за этим зал не наполнился гулом голосов, как это обычно бывает. В колледже Святого Антония разговаривали, но очень мало и тихо. Тон задавал «высокий стол», и псаломщик, обмениваясь короткими репликами со своим соседом, ученым мужем, старался следовать ему. Со стен, обшитых уходящими под высокий сводчатый потолок темными деревянными панелями, давно ушедшие государственные деятели, богословы, поэты и философы, за многие века вышедшие из стен Святого Антония, взирали на тщательно соблюдаемый церемониал.

Эплби оглядел своих соседей. Быстро пересчитав их, он пришел к выводу: все члены Ученого совета сочли своим долгом явиться к общей трапезе. «И снова этикет», – подумал Эплби. Благопристойность также проявлялась в том, что никто не смотрел на него с любопытством. И те же приличия, понял он, требовали от него осторожности и нарочитой внешней безразличности. Он сидел справа от декана, а рядом с ним, как выяснилось из произнесенных вполголоса представлений, расположился мистер Титлоу. Это был мужчина средних лет, довольно привлекательной наружности, немного вялый и нервный.

«Нынешнее состояние Титлоу, – быстро решил Эплби, – плод постоянной раздражительности или какого-то внутреннего волнения».

Из всех сидевших в тот вечер за столом лишь Титлоу выглядел как человек, обладающий воображением или, как говорится, быстрым умом. У него были длинные, несколько

приплюснутые пальцы, словно сошедшие со старинного портрета, что гармонировало с подвижным ртом и острым взглядом. Однако нос у Титлоу был, как говорят, «упрямый».

«Если верить физиономистам, – заключил Эплби, – то Титлоу человек с блестящими способностями, однако весьма ненадежный».

Прямо напротив Эплби сидел доктор Барочо, тучный мужчина со сверкающими глазами и ослепительной доброжелательной улыбкой, евший досыта и от души. Он представлял собой классический образец эдакого «сценического» иностранца, который упрямо остается верен в чужой стране традициям своего отечества. Он был классическим представителем одной из древнейших мировых культур – латинско-средиземноморской. Доктор Барочо, как подсказывал Эплби его аналитический ум, по праву рождения являлся обладателем чего-то такого, чему его коллеги все еще усердно учились. И мыслил он не так, как остальные... Но вот чем Барочо действительно не владел – так это языком своих коллег. Он с трудом пытался объяснить, что где-то потерял или забыл свою мантию.

«Интересно, – подумал Эплби, – оторвался бы он от большого куска жареной камбалы, если бы узнал, для чего сейчас используется его мантия? Скорее всего, нет».

– Вы не заметили ее, скажите, Титлоу, Эмпсон, Поунолл, прошу вас? Вы не видели, куда я положил мантию, Поунолл, совсем не видели? Титлоу, вы тоже нет?

Эту мольбу о помощи встретили не очень-то учтиво. Желчный циник, оказавшийся профессором Эмпсоном, пробормотал, что Барочо вдобавок оставил где-то свою голову. Эта ремарка навела испанца на мысль, которую он тотчас же принялся развивать.

– Ах да! Вы помянули нашего покойного главу! – воскликнул он и перекрестился с печальным видом, который соответствовал упоминанию имени доктора Амплби. Затем его, очевидно, осенило, и он повернулся к Титлоу: – Хочу спросить вас вот о чем. Вы говорите о главах учебных заведений, и это университетские заведения, колледжи. Нет? Потом вы говорите о домах, где надежно, как за каменной стеной. И это тоже наши университетские заведения. Так ведь? Скажите, а здесь заведения надежные?

Казалось, что Барочо мыслил вполне ordinarily, только вот иногда его заносило в какие-то дебри. Или по какой-то прихоти он хотел представить, что это именно так. Некоторые смотрели на него с едва скрываемым раздражением и с терпеливой снисходительностью, характеризующей отношение ко всем известным чудакам и оригиналам. Однако один из сидевших за «высоким столом», бесстрастный и довольно бесцветный субъект, оказавшийся Хэвелендом, слушал Барочо весьма внимательно. Так, по крайней мере, показалось Эплби. Испанец тем временем пустился в никак не связанные с происходящим филологические парадигмы и аналогии. На минуту его голос смешался с негромкими разговорами, позволительными за «высоким столом», и Барочо никто не слышал, кроме его ближайших соседей. И вот после небольшой паузы он громко спросил:

– Так все-таки, как правильно сказать: вас повесят или вас подвешат?

Титлоу вдруг резко опустил свой бокал. Хэвеленд столь же внезапно поднес свой ко рту. Было невозможно определить, кому именно адресован этот на первый взгляд нелепый вопрос. Эплби подумал, не с его ли взглядом в этот, выбивший всех из колеи момент хотели встретиться круглые, наивные глаза Барочо?

«Этот испанец, – предположил он, – обладает острым умом. И в то же время он не намеревался никого задеть. Он просто провел эксперимент. Зачем?»

В ту же секунду мистер Дейтон-Кларк подчинил весь «высокий стол» своей воле ненавязчиво, но твердо. Все остававшееся до конца ужина время он, казалось, «дирижировал» негромкими разговорами и возникавшими паузами. Он твердо решил, что больше не возникнет никаких неловкостей, и их не было. Через полчаса после начала ужина, не допуская ни малейшего подозрения в желании поскорее его завершить, декан поднялся со своего места и вполголоса прочитал благодарственную молитву. Послышались звуки отодвигаемых

от стола стульев, шапочки раздали их владельцам, и сидевшие за «высоким столом» друг за другом степенно вышли из зала между рядами вскочивших на ноги студентов. Трапеза закончилась.

II

Небольшая группа профессоров двигалась по узкому проходу в Епископском дворике, отделявшему зал собраний от профессорских квартир. Эплби, как наблюдатель, замыкал шествие. Слева, четко освещенная яркой лампой, виднелась огромная арка между Епископским и Суррейским двориками. Справа, совсем рядом, находились те самые воротца, которые оставались закрытыми со вчерашнего вечера. На них падал лишь тусклый свет из открытой двери профессорской. За изящным узором ограды царил бархатистая тьма, под покровом которой легкий ветерок играл полосами тумана, обвивавшего невидимые стволы и ветви деревьев в Садовом сквере. Эплби отметил, что никто из шедших впереди не взглянул в ту сторону. Однако кто-то из затаившихся в сквере людей Додда вскоре увидит Эмпсона, Титлоу, Поунолла и Хэвеленда, если те отправятся ночевать в свои апартаменты... Это еженощное разделение колледжа на две части с помощью замков и решеток в лучшем случае создавало значительные неудобства и, возможно, было его отличительной чертой. Использовали ли эти неудобства со столь же «отличительным» интеллектуальным блеском? Размышляя над этим вопросом, Эплби вслед за гостеприимным хозяином прошел в малую профессорскую колледжа Святого Антония.

В комнате царила атмосфера какой-то «выхолощенной» роскоши, весьма характерная для подобных мест, однако она не лишала профессорскую некоего очарования. На длинном столе красного дерева свечи в тяжелых серебряных канделябрах подсвечивали рубиновые и золотистые графины с портвейном и хересом, блики от которых слепящими брызгами отражались в хрустальных бокалах и столовом серебре, образуя полукружья радуг над вазами с фруктами. Другим источником света был огромный, ярко горевший камин. Стены, на которых красовались многочисленные портреты давно ушедших ученых мужей, то уходили в тень, то вновь выплывали из нее. Находившихся в комнате живых будто бы окружали сонмы призраков. Высокомерных викторианских мужей, похожих на мистера Дейтона-Кларка, сменяли тени из XVIII века, некогда сидевшие в тиши библиотек, гулявшие в парках и принимавшие величавые позы рядом с копиями античных статуй. За ними следовали видения из семнадцатого столетия с молитвословами в руках. Комната словно подтверждала величие колледжа Святого Антония. А ученые мужи, увековеченные на старинных полотнах, были тому немymi свидетелями.

В какой-то момент случилось легкое замешательство. Как только мистер Дейтон-Кларк переступил порог профессорской, он, согласно какому-то непререкаемому правилу, утратил свою власть. Точнее сказать, полномочия покойного ректора, перешедшие к нему. Теперь распоряжался мистер Титлоу, который принялся рассаживать вошедших за столом. Однако он все еще находился в каком-то возбужденном состоянии, так что это получалось у него довольно неуклюже. Жесты его были неловки и не совсем понятны. Все стали беспорядочно шаркать ногами и двигать стулья, прежде чем окончательно расселись по местам. Эплби с удивлением обнаружил, что оказался во главе стола, на другом конце которого он увидел одинокую фигуру Хэвеленда. Между ними в два ряда восседали члены Ученого совета.

Минутное замешательство, которое мистеру Дейтону-Кларку пришлось пережить во имя традиций, сошло на нет, и когда все расселись, он вновь взял бразды правления в свои руки. Он что-то шепнул Титлоу, затем каждый из них шепнул что-то слугам. После этого сервировка, графины, фрукты и чаши для омовения пальцев нетронутыми исчезли со стола. Во всем чувствовался некий зловещий смысл, требовавший, в свою очередь, гробового мол-

чания. Ритуал десерта преобразился в собрание узкого круга посвященных. Слуги вышли, и слово взял декан. Эплби заметил, что он говорил без официальности в голосе, звучавшей чуть ранее в первом разговоре с незнакомым полицейским.

– Сегодня среди нас находится мистер Эплби из лондонской полиции. Мистер Эплби прибыл сюда по нашему прямому обращению в Министерство внутренних дел, и мы окажем ему всяческое содействие. Он остановился в колледже, в апартаментах напротив моих, до разрешения дела. Я полагаю, все мы понимаем, что ему понадобится некоторое время. Бессмысленно скрывать от самих себя тот факт, что обстоятельства, сопутствовавшие смерти ректора, столь же ужасны, сколь и запутаны. Мистер Эплби, безусловно, захочет поговорить с каждым из нас в отдельности и выяснить, что мы знаем по поводу этого происшествия.

Мистер Эплби, позвольте представить вам моих коллег. Слева от вас мистер Титлоу. Доктор Готт, профессор Эмпсон, профессор Кёртис, мистер Чалмерс-Патон...

Декан последовательно обошел весь стол. Процедура была несколько неловкой, но совершенно оправданной и необходимой, и декан отнесся к ней с подобающей серьезностью. Эплби подумал, что все это не было представлением в полном смысле слова, и завершилось оно без единого поклона и слов. Большинство «представленных» смотрели прямо на Эплби, некоторые, потупив глаза, разглядывали пустой стол. Лишь Барочо следил за взглядом Эплби, при этом он дружелюбно улыбался каждому из коллег. Создавалось впечатление, что доктор расценивал эту своеобразную переключку как некую прелюдию к увлекательной игре.

На несколько мгновений воцарилось молчание, а потом с дальнего конца стола вдруг раздался голос Хэвеленда. Бледное, бесцветное лицо профессора не выражало практически ничего, однако его черты отличала твердость и решительность, свидетельствовавшие о внутренней напряженности и сосредоточенности. Одет он был, как и предугадал декан, в повседневную твидовую пару. Ее неброский, но со вкусом подобранный цвет и несколько небрежная манера, с которой хозяин ее носил, подчеркивали его слегка напускную эстетскую утонченность. Однако его руки неподвижно лежали на столе, а голос звучал холодно и безжизненно, что полностью «гармонировало» с чертами лица. Он обратился к декану:

– Полагаю, речь не идет о том, что мистер Эплби начнет с проведения некой конференции. Всю информацию, которой обладает каждый из нас, и все впечатления, которые, несомненно, у каждого из нас есть, – все это мистер Эплби наилучшим образом получит в частных беседах.

За этими тщательно подобранными словами и за ровным тоном, которым Хэвеленд их произнес, скрывалось какое-то подспудное напряжение, которое вот-вот должно было вырваться наружу. «Информация», «впечатления», «частные беседы» – во всех этих словах сквозили скепсис, насмешка и отвращение, которые явственно слышались в его интонации. Хэвеленд продолжал:

– Однако есть нечто, о чем бы я хотел сказать всем присутствующим, поэтому и пользуюсь представившейся возможностью. Вероятно, это лишит кого-то из вас удовольствия внезапно осознать, что дважды два – четыре, и побудит вас быть менее откровенными с мистером Эплби. Поэтому заранее прошу меня извинить.

Вам всем известно, что в кабинете Амплби обнаружались рассыпанные кости. Интересно, откуда они могли взяться... Эмпсон, у вас есть мнение на этот счет?

В этом вопросе заключался скрытый подвох. Эмпсон тотчас же стушевался. Однако Хэвеленд продолжил:

– Уверен, что есть. В то же время мне неизвестно, понимает ли мистер Эплби значимость этих костей для всех нас? Я убежден, что именно этот фактор едва ли в полной мере осознает и оценит его здешний коллега, с которым, боюсь, я был непозволительно скры-

тен нынче утром. Предлагаю вам, Дейтон-Кларк, «просветить» мистера Эплби по этому вопросу.

На лице услышавшего эти слова Дейтона-Кларка изумление сменилось легким испугом.

– Мистер Хэвеленд, безусловно, имеет в виду, – начал он, – что антропология – одно из ведущих направлений науки в Святом Антонии. Он сам является антропологом. Классическая археология Титлоу смешалась (прошу простить мне это выражение, Титлоу!) с современной антропологией. Древнейшая история Поунолла и этнология Кэмпбелла также связаны с этой отраслью. Исследования на стыке двух дисциплин всячески поощрялись покойным ректором. Доктор Амплби сам пришел в антропологию из сравнительной филологии так же, как и его ученик, Рэнсон, в данный момент находящийся за границей. Дело в том, что колледж Святого Антония уже более полувека является одним из лидеров в сфере коллективных работ по древним культурам. Как специалист по сравнительному богословию, я сам весьма интересуюсь этой областью. Полагаю, что именно это Хэвеленд имеет в виду, говоря о значимости этих костей для всех нас, хотя мне лично подобная мысль никогда бы не пришла в голову... А теперь, Хэвеленд, если хотите продолжить, прошу вас.

Хэвеленд посмотрел на него, словно наездник, прищипоривающий лошадь перед второй попыткой взять трудный барьер.

– Эмпсон знал, что у меня в колледже имеется коллекция костей. Интересно, знал ли кто-нибудь еще? – Задав этот вопрос, он обвел глазами стол, прежде чем продолжил: – Это мои кости.

В профессорской воцарилась гнетущая тишина. Никто из коллег Хэвеленда не вымолвил ни слова. Эплби тоже промолчал.

– По крайней мере, я предполагаю, что это мои кости, потому как моя коллекция исчезла. А поскольку мои кости принадлежали австралийскому аборигену, их довольно легко идентифицировать. Интересно знать, есть ли у кого-нибудь из вас какие-либо соображения по поводу того, каким образом эти экспонаты были использованы со столь экзотической целью?

Ответом ему стало гробовое молчание.

– Возможно, надобно спросить, не каким образом они оказались там, где их нашли, а зачем? Что вы думаете... Эмпсон? Не хотите ли развить мою теорию?

– Мне нечего развивать... Спросите Титлоу.

«А зачем, – подумал Эплби, – спрашивать Титлоу?» Титлоу, похоже, считал так же. Он с таким же негодованием смотрел на Эмпсона, с каким тот уставился на Хэвеленда. Еще немного, и все «подводные течения», существовавшие в этом небольшом кругу людей, хлынут на поверхность.

– Осмелюсь предположить, что их поместили туда для того, чтобы навести подозрения на вас, Хэвеленд, – вставил Титлоу. – Поунолл, а вам такой вариант не кажется возможным?

Поунолл, тем самым втянутый в пикировку (а зачем было его втягивать?), ответил:

– Я нахожу объяснение куда более простое и одновременно куда более необычное. Разве нет, Хэвеленд?

Похоже, Барочо оказался прав, и в профессорской началась игра. Игра, где каждый из игроков знал лишь часть правил. Но тут в разговор вступил бородатый человек весьма почтенного вида, сидевший напротив камина.

– А известна ли кому-нибудь из вас любопытная богемская легенда о костях из Клаттау?

Это был профессор Кёртис, и его совсем не относящееся к разговору замечание произвело на Эплби весьма любопытное впечатление. Произнесенное невпопад и при этих обстоятельствах даже абсурдное, оно со всей ясностью обозначило накал страстей, сопровождав-

ший пикировку. Фраза Поунолла «Разве нет, Хэвеленд?» довела его до высшей точки. И вот Хэвеленд, не обращая внимания на Кёртиса и богемскую легенду, сделал ответный выстрел.

– Разумеется, я могу представить себе иное объяснение. Это последовательность событий, которая тотчас приходит мне на ум. Эмпсон, полагаю, вам следует изложить суть разговора между мной и Амплби, имевшего место в вашем присутствии месяц или два назад. Вы знаете, что я имею в виду. И я не думаю, что кому-либо еще известно об этом.

– Поунолл знает: я все рассказал ему на следующий день, – запальчиво парировал Эмпсон и тут же пожалел об этом. – Совершенно не вижу, – продолжал он, – почему я должен здесь что-то излагать. Если вы хотите все это рассказать, сделайте это сами.

Декан выпрямился в кресле беспокойно и в то же время как человек, власть имеющий.

– Хэвеленд, – произнес он, – все это имеет отношение к нашему делу? Если вы настаиваете на том, чтобы что-то нам рассказать, расскажите это сейчас же.

– Я вам сейчас же расскажу кое-что.

Его ответный выпад прозвучал в форме точной и язвительной имитации повелительного тона декана. Хэвеленд наверняка не стремился снискать сочувствие: вся профессорская, казалось, содрогнулась от его дерзости. Однако он сразу взял себя в руки и продолжил ровным голосом:

– Я расскажу вам, поскольку Эмпсону явно не хочется это делать, об одном случае, когда я повздорил с Амплби. Причем довольно сильно.

Над столом пронесся негодующий шепот. Декан, явно растерявшись, повернулся вполоборота к Эплби. Однако тот, казалось, был полностью поглощен изучением резьбы на торце столешницы. Хэвеленд продолжил:

– Дело касалось, разумеется, одной из привычных для Амплби кражи идей.

Эплби решил, что если что-то и можно было прочесть на лицах собравшихся здесь коллег покойного ректора, то скорее понимание, нежели изумление или растерянность. Декан, однако, сделал робкую попытку возразить. Хэвеленд пресек ее весьма несдержанно и даже грубо:

– Дейтон-Кларк, не будьте идиотом. Вдумайтесь в то, с чем мы столкнулись. Я заявляю, что Амплби снова присваивал себе чужие достижения. Не стану вдаваться в подробности. Эмпсон при этом присутствовал, и если бы он не чувствовал себя столь неловко, он бы изложил все более взвешенно. Однако я запомнил одно недвусмысленное выражение, которое я произнес.

Эплби почувствовал, что Хэвеленд уже вплотную приблизился к барьеру. В профессорской повисло напряженное ожидание.

– Когда я упрекнул его в этом, он просто внимания не обратил на мои слова. Он заговорил о своих собственных исследованиях захоронений в районе Персидского залива. Тогда я сказал, что хотел бы видеть его навечно замурованным в одном из его жутких склепов. Ведь так, Эмпсон?

Тот ничего не ответил. В профессорской наступила полная тишина. Хэвеленд оставался столь же бесстрастным, однако даже в тусклом мерцании свечей Эплби, взглянув на противоположный конец стола, заметил, как на лбу у Хэвеленда выступили крупные капли пота. Наконец молчание взорвал возглас:

– Хэвеленд, на какие безумные деяния вы намекаете?

Голос принадлежал Поуноллу. И если раньше в комнате царила тишина, то теперь все погрузилось в оцепенение. Эплби почувствовал, что над столом внезапно пронеслась какая-то мысль, что на всех снизошло некое жуткое просветление. Но тут Хэвеленд вдруг вскочил на ноги. Он смотрел прямо в глаза Эплби и обратился скорее к нему одному, нежели к присутствующим:

– Вот вам материал для двух версий. Титлоу сказал что-то о том, чтобы «навести подозрения». Можете над этим поразмыслить. А Поунолл высказался о «более простом и более необычном». Вот вам еще пицца для размышлений. Всего наилучшего.

После этого Хэвеленд быстрым размашистым шагом вышел из профессорской. Несколько мгновений все оставшиеся изумленно смотрели на опустевшее кресло. Однако Дейтон-Кларк что-то шепнул Титлоу, и тот нажал на кнопку звонка. Самое верное средство – прибегнуть к спасительному ритуалу.

Дверь в смежную профессорскую распахнулась, и слуга равнодушно объявил:

– Кофе подан!

III

Декан сделал знак Эплби, и они в сопровождении Титлоу, Барочо и еще одного молчаливого господина, оказавшегося доктором Готтом, перешли в соседнюю комнату. Дейтон-Кларк по праву декана, Эплби по праву гостя декана, Титлоу по праву главы Ученого совета, Готт по праву исполняющего обязанности проктора, а Барочо, очевидно, потому, что он просто забыл, что надо остаться с коллегами. Декан лично наливал кофе Эплби, остальные наливали себе сами. Дейтон-Кларк не скрывал от Эплби своего подавленного состояния.

– Мистер Эплби, все это ужасно, просто ужасно! Дай бог, чтобы вы поскорее раскрыли это дело. Я почти физически чувствую, как среди нас распространяется атмосфера недоверия и вражды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.